7universum.com
UNIVERSUM:
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

UNIVERSUM:
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Научный журнал
Издается ежемесячно с декабря 2013 года
Является печатной версией сетевого журнала
Universum: общественные науки

Выпуск: 10(113)

Октябрь 2024

Москва
2024

УДК 1/14+32+93/94
ББК 63+66+87
U55

Главный редактор:
Блейх Надежда Оскаровна, д-р ист. наук, канд. пед. наук;

Члены редакционной коллегии:
Вигель Нарине Липаритовна, д-р филос. наук;
Гриценко Галина Дмитриевна, д-р филос. наук;
Гужавина Татьяна Анатольевна, канд. филос. наук;
Карпенко Виталий Евгеньевич, канд. филос. наук;
Карпенко Татьяна Михайловна, канд. филос. наук;
Купченко Константин Владимирович, канд. ист. наук;
Лебедева Надежда Анатольевна, д-р филос. наук;
Попова Ирина Викторовна, д-р социол. наук;
Соловенко Игорь Сергеевич, д-р ист. наук;
Сопов Александр Валентинович, д-р ист. наук;
Сорокин Александр Николаевич, канд. ист. наук;
Убайдуллаева Раиса Турсуновна, д-р социол. наук.

U55 Universum: общественные науки: научный журнал. – № 10(113). М., Изд. «МЦНО», 2024. – 52 с. – Электрон. версия печ. публ. – http://7universum.com/ru/social/archive/category/10113

ISSN : 2311-5327

DOI: 10.32743/UniSoc.2024.113.10

Учредитель и издатель: ООО «МЦНО»

ББК 63+66+87

© ООО «МЦНО», 2024 г.

Содержание

Статьи на русском языке **4**

Политология **4**

Конфликтология **4**

РАЗВИТИЕ МЕДИАЦИИ В ШКОЛАХ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ 4
Исмаилова Роза Байжумановна
Атабаев Руслан Заирович

Социологические науки **8**

Социальная структура, социальные институты и процессы **8**

АЛФАВИТ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: СОЦИАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ 8
Мокий Владимир Стефанович
Лукьянова Татьяна Александровна

Философские науки **24**

История философии **24**

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФЕНОМЕНА ТРАДИЦИИ В ЭПОХУ ПЕРВОГО РЕНЕССАНСА 24
Бекбаев Рауф Рустамович

Онтология и теория познания **27**

СОФИЗМ И ПАРАЛОГИЗМ КАК МЕХАНИЗМЫ МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ 27
Тошов Хуршид Ильхомович

Социальная философия **35**

ПРОБЛЕМА ДУХОВНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ В СЕМЕЙНОМ ОКРУЖЕНИИ 35
Рахмонова Нигина Талибовна

Papers in English **38**

Historical sciences and archeology **38**

General history **38**

HISTORY TEACHING IN THE UNION OF SOVIET REPUBLICS 38
Remzi Adsız
Yavuz Ercan Gul

Political science **42**

Theory and philosophy of politics, history and methodology of political science **42**

HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF THE PHENOMENON OF INFORMATION WARS 42
Elvin Talyshinsky

Philosophical sciences **46**

Social philosophy **46**

THE EXİSTENCE OF DİFFERENT PROFESSİONS İN SOCİETY FOR THE LİVİNG ORGANİSM THAT İS HUMANİTY: AN EXAMİNATİON THROUGH PLATO'S 'THE REPUBLİC' 46
Babak Maharramov

СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ

КОНФЛИКТОЛОГИЯ

РАЗВИТИЕ МЕДИАЦИИ В ШКОЛАХ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Исмаилова Роза Байжумановна
ассоциированный профессор
Алматинского технологического университета,
Республика Казахстан, г. Алматы
E-mail: 68roza.i@mail.ru

Атабаев Руслан Заирович
магистрант государственного и местного управления
Алматинского технологического университета,
Республика Казахстан, г. Алматы
E-mail: atabayev.ruslan.03@mail.ru

DEVELOPMENT OF MEDIATION IN SCHOOLS OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: CURRENT STATE AND PROSPECTS

Roza Ismailova
Associate Professor,
Almaty Technological University,
Almaty, Republic of Kazakhstan

Ruslan Atabaev
Master's student of state and local government
Almaty Technological University,
Almaty, Republic of Kazakhstan

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются современные тенденции внедрения медиации и менторства в образовательных учреждениях Республики Казахстан. Подчеркивается роль школьной медиации в разрешении конфликтов между учениками, педагогами и родителями, а также создание комфортной и безопасной атмосферы для учебы. Приведены примеры успешного внедрения службы школьной медиации в Восточно-Казахстанской области и других регионах. Кроме того, анализируется пилотный проект менторства, направленный на всестороннее развитие учащихся, их социализацию и предупреждение правонарушений. В статье обсуждаются проблемы, с которыми сталкиваются школы при внедрении данных программ, и предлагаются возможные решения для их эффективного развития на национальном уровне.

ABSTRACT

The article examines the current trends in the introduction of mediation and mentoring in educational institutions of the Republic of Kazakhstan. The role of school mediation in resolving conflicts between students, teachers and parents, as well as creating a comfortable and safe learning environment, is emphasized. Examples of successful implementation of the school mediation service in the East Kazakhstan region and other regions are given. In addition, a pilot mentoring project aimed at the comprehensive development of students, their socialization and the prevention of offenses is being analyzed. The article discusses the problems that schools face when implementing these programs and suggests possible solutions for their effective development at the national level.

Библиографическое описание: Исмаилова Р.Б., Атабаев Р.З. РАЗВИТИЕ МЕДИАЦИИ В ШКОЛАХ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ // Universum: общественные науки : электрон. научн. журн. 2024. 10(113). URL: *https://7universum.com/ru/social/archive/item/18403*

Ключевые слова: школьная медиация, конфликт, разрешение конфликтов, менторство, воспитание, образовательная среда, социализация, развитие личности, правовое сознание, учебные заведения.

Keywords: school mediation, conflict, conflict resolution, mentoring, upbringing, educational environment, socialization, personality development, legal consciousness, educational institutions.

Республика Казахстан уверенно движется по пути прогрессивного развития, где одной из ключевых задач становится повышение общественного и правового сознания. В системе образования Казахстана наблюдается тенденция к обновлению воспитательной работы, направленной на развитие социально значимых ценностей, и приобретение практического поведенческого опыта, необходимого для успешной интеграции личности в современное общество.

Решение вопросов образовательной среды является одной из важнейших задач по обеспечению благоприятной атмосферы в учебных учреждениях. В настоящее время в школах Казахстана внедряются службы медиации, целью которых является мировое урегулирование споров между учениками, педагогами и родителями. Данная практика является сравнительно новой, но она уже дает потенциал для предотвращения эскалации противоречий и разрешения споров без применения дисциплинарных мер. Тем не менее, распространение медиации все еще остается ограниченным.

Важным шагом на пути к внедрению медиации в Казахстане было принятие в 2011 году Закона «О медиации». Этот закон создал правовую основу для ее применения в различных формах жизни, включая образование.

Одними из первых положительными результатами могут поделиться образовательные учреждения Восточно-Казахстанской области, где уже активно функционируют Службы школьной медиации, внедренные в 21 школе и трех колледжах региона. Внедрение этих служб было инициировано специалистами областного Управления образования, а также поддержано профессиональными медиаторами и судьями региона, что подчеркивает важность и значимость медиации как инструмента для разрешения конфликтов. [1].

Структура Службы школьной медиации:

1. Команды кураторов. В эту группу входят заместитель директора по учебно-воспитательной работе, социальный педагог, психолог и учителя (всего 4-5 человек). Они проходят обучение медиативным методам у сертифицированного медиатора. Кураторы также обучают школьников и координируют работу службы медиации.

2. Группы равных. Это группы учеников, прошедших обучение медиации, для применения знаний в разрешении конфликтов среди сверстников. Эти группы способствуют предотвращению споров, а также передаче опыта другим школьникам. Подростки до 15 лет должны иметь письменное согласие родителей на участие. В группы не включаются учащиеся выпускных классов и школьные «активисты».

3. Руководитель службы. Назначается директором школы на добровольной основе. Он отвечает за планирование, координацию работы и отчетность. Руководитель должен регулярно проходить супервизию и повышать квалификацию через участие в семинарах и конференциях по восстановительной медиации. [2].

Особенности школьной медиации

Медиация в школах впервые начала применяться в США в 1980-х годах и с тех пор получила широкое распространение в образовательных системах стран США, Дании, Германии, Великобритании, Эстонии, Польшы, Литвы, Японии и других, где отмечается положительный опыт применения данной процедуры.

В США обучение медиации проводится через ролевые игры, разбор реальных кейсов, демонстрацию и обсуждение видеоматериалов, а также чтение лекций с последующими дискуссиями. В штате Джорджия в 1994 году 91% конфликтов был успешно урегулирован с помощью медиации. В 1996 году в пяти школах Нью-Йорка 99% учителей отметили, что программы медиации предоставили учащимся эффективные инструменты для альтернативного разрешения ежедневных конфликтов, а 88% согласились с тем, что медиация помогла ученикам взять на себя больше ответственности за решение собственных проблем.

В США существует несколько организаций, предлагающих медиацию для урегулирования споров в образовательной среде:

1. Институт по разрешению конфликтов — специализируется на медиации ровесников в школах. Организация предоставляет программы и услуги для учеников, родителей и преподавателей всех уровней.

2. Ресурсный центр по медиации ровесников (Помона, Калифорния) — создает и поддерживает программы «вмешательства» ровесников, такие как «Друзья-первокурсники» и «Помощь ровесников».

3. Ученики предлагают поддержку — организация из Северной Калифорнии, которая проводит тренинги для учеников и обучает лидеров для эффективной медиации ровесников.

4. Союзники по превентивному обучению— некоммерческая организация, которая реализует превентивные программы, такие как «Медиация ровесников» и «Курс взаимопонимания» с обучением для педагогов и учеников.

5. Примирители — некоммерческая организация, которая с 1989 года помогает школам снижать уровень конфликтов, обучая медиации более 2 000 учебных заведений.

В Норвегии 13 команд по разрешению конфликтов работают в 45 школах, поддерживаемые обучающей программой, направленной на развитие лидерских навыков, уверенности и самоуважения у учащихся. В Осло действует сеть из 48 школ, где практикуется медиация среди сверстников. Пилотный

проект получил высокую оценку, что привело к инициативе Правительства по распространению этой практики во всех образовательных учреждениях страны.

В датских школах команда из 20 медиаторов формируется в зависимости от ситуации, и медиация проводится для учеников 7-9 классов взрослыми медиаторами. Основные конфликты связаны с эмоциональными вопросами, такими как романтические отношения, дружба, соперничество и статус, что способствует сокращению длительности споров. Ученики начинают участвовать в медиации с 4-го класса и могут оставаться в проекте до 9-го класса, что позволяет им накапливать опыт и передавать знания другим. Медиаторы ежегодно проходят обучение под руководством социального педагога, включая теоретическую подготовку и анализ практических ситуаций. Медиация стала важной частью школьной культуры, и ее активно применяют как учителя, так и ученики для разрешения конфликтов [3].

Для более полного раскрытия значимости школьной медиации в образовательной системе Казахстана, стоит рассмотреть мнение эксперта, тренера по медиации и профессионального медиатора из г. Астаны Гульнары Азгушкаровой. Она подчеркивает ключевую роль самих школьников в процессе примирения:

«Школьная медиация подразумевает в первую очередь то, что примирением ребят занимаются сами школьники, изъявившие желание стать медиаторами. В каждом классе всегда найдутся такие ребята, которые могут вести за собой, главное задать правильное направление, и это уже задача вышестоящего звена, а именно педагогов, психолога.

На сегодняшний день действующие центры примирения в школах довольно успешно решают собственными силами большинство конфликтов и споров, так сказать «не вынося сор из избы», а это в свою очередь создаёт благоприятный микроклимат для всех участников учебного процесса, что не может не радовать. Одним из примеров положительной работы школьной медиации может служить служба примирения столичной школы-гимназии № 26, действующая с 2017 года, где за эти годы было проведено немало работы в этом направлении, накоплен опыт» [4].

Однако, на одной из встреч учителя выразили озабоченность тем, что внедрение медиации создает для них дополнительную нагрузку, и задали вопрос о целесообразности введения штатного медиатора в школы.

Гульнара Азгушкарова пояснила, что ей понятны опасения педагогов, так как на начальном этапе любые нововведения всегда сопровождаются настороженностью. Однако она уверена, что после налаживания работы школьных центров медиации все процессы войдут в привычное русло. Педагоги, по ее мнению, справятся с этой частью, так как уже работают над профилактическими вопросами совместно с психологами и конкретными работниками. Им предстоит дополнительно обучиться основам медиации, чтобы стать посредниками в школьных конфликтах и обучить этому методу учащихся, родителей и коллег. Ключевая задача медиатора заключается не только в урегулировании конфликтов, но и в их предотвращении.

Но все-таки следует рассматривать проблему комплексно и учитывать все риски и мнения непосредственно ключевых участников службы школьной медиации. Также стоит обратить внимание на независимость процедуры медиации в школах. Как известно, руководитель службы школьной медиации назначается директором, но не является ли это дополнительным источником давления на участников медиации? Если руководитель подвержен влиянию администрации школы, это может снизить уровень доверия к процессу и помешать открытой и честной коммуникации между сторонами конфликта.

Важным аспектом является создание безопасной и нейтральной атмосферы, где все участники могут свободно выражать свои мысли и чувства без страха негативных последствий. Несомненно, идея с решением конфликтных ситуаций через «группы влияния», педагогов и психологов, хорошая, но для обеспечения независимости медиации следует рассмотреть возможность привлечения внешних специалистов, которые могут проводить медиацию и обеспечивать беспристрастность процесса. Для этого следует назначать руководителем Службы школьной медиации профессионального медиатора, состоящего в соответствующем реестре и имеющего для этого документ подтверждающий прохождение обучение по программе подготовки медиаторов, утверждаемой в порядке, определяемом Правительством Республики Казахстан. [5]. Этот шаг станет своего рода «апелляционной инстанцией» для сторон спора.

Еще одним немаловажным решением для обеспечения прозрачности и доверия к процедуре медиации, является надлежащее информирование обучающихся, родителей и учителей о правилах и целях медиации, а также о том, как будут использоваться все полученные в ходе медиации данные.

Для привлечения высококвалифицированных кадров для работы медиаторами в школах рационально применить опыт Сингапура, адаптировав его к условиям образовательной системы. Экономический рост Сингапура сопровождался увеличением заработной платы, при этом государственный сектор традиционно отставал по уровню доходов от частного сектора. В 1995 году премьер-министр Го Чок Тонг ввел реформу, увязавшую заработные платы государственных служащих с доходами их коллег в частном секторе. Это нововведение позволило автоматически увеличивать зарплаты, сохраняя их конкурентоспособность, что сделало работу в государственном секторе более привлекательной.

Применяя такой подход для привлечения медиаторов в школы, можно увязать их заработную плату с доходами специалистов сопоставимого уровня в частном секторе, что обеспечит приток профессионалов своего дела. Важно учитывать, что подобная система не только повышает мотивацию работников, но и обеспечивает устойчивость кадрового состава благодаря непрерывности работы и накоплению опыта. В результате медиаторы смогут долгосрочно

и эффективно выполнять свои функции, способствуя созданию стабильной и поддерживающей школьной среды [6].

Менторство

Для укрепления положительных изменений в образовательной среде Казахстана, наряду с медиацией, важную роль начинают играть новые образовательные инициативы, направленные на поддержку саморазвития учащихся. Одной из таких инициатив стал пилотный проект менторства, который активно внедряется в ряде школ области Жетісу.

В городе Талдыкорган с начала 2023-2024 учебного года впервые начали свою деятельность менторы по этике и воспитанию, чья основная задача заключается в оказании комплексной поддержки учащимся, содействии их личностному росту и успешной социализации. Введение менторской программы в школах, направленной на создание единого воспитательного пространства, стало новаторской практикой не только для региона, но и для всей страны. Поддержка, оказываемая наставниками по этике и воспитанию, способствует многогранному развитию личности учащихся, их интеграции в общество, а также предотвращению дискриминации, насилия и противоправных действий. Особое внимание в работе менторов уделяется просветительским мероприятиям, касающимся таких ключевых тем, как профилактика правонарушений, борьба с наркоманией и лудоманией, формирование здорового образа жизни, профессиональная ориентация, финансовая грамотность и многое другое.

Менторы не ограничиваются только учебными часами, отметил заместитель руководителя управления общественного развития области Жетісу Ильяс Тустикбаев. «Ежедневно специалисты отслеживают и анализируют поведение учеников. Например, если школьник демонстрирует грубость или агрессию, ментор стремится понять глубинные причины такого поведения. Сначала он наблюдает за ребенком, а затем приглашает его на доверительную беседу, создавая дружелюбную атмосферу, чтобы обсудить возможные проблемы, переживания или идеи,» — поясняет Тустикбаев.

Кураторы подчеркивают, что пилотный проект будет непрерывно совершенствоваться и дополняться новыми методами. Полученный опыт планируют использовать для внедрения менторской программы во всех образовательных учреждениях области Жетісу уже в следующем учебном году [7].

Развитие медиации и менторства в образовательных учреждениях Республики Казахстан представляет собой важный шаг к созданию современной системы образовательной среды и разрешения конфликтов. Медиация, несмотря на свою новизну для Казахстана, уже показала потенциал в предотвращении эскалации конфликтов и снижении необходимости дисциплинарных мер, что особенно актуально в условиях, когда школы должны способствовать не только обучению, но и социализации учащихся. Программы менторства, нацеленные на поддержку учащихся, дополняют этот процесс, способствуя их развитию и профилактике правонарушений.

Для успешного развития указанных инициатив необходимо продолжать их масштабирование, адаптацию к местным условиям, а также обеспечить обучение медиаторов и менторов, развитие нормативной базы и прозрачность процедур. Особое внимание следует уделить независимости медиации, что повысит доверие к процессу со стороны всех участников.

Таким образом, внедрение медиации и менторства способствует созданию комфортной образовательной среды, формированию у учащихся навыков социальной ответственности и правового сознания. В перспективе эти программы станут важными элементами воспитательной работы, готовя всесторонне развитых и ответственных граждан.

Список литературы:

1. Чех, Евгения. "Как работают Службы школьной медиации в ВКО." Устинка Live. Доступно по адресу: https://ustinka.kz/vko/51009.html
2. Бисембаева, Асем Кумаровна. «Основы школьной медиации»: Учебное пособие. 56 с.
3. Степнова, Л.А., Батарчук, С.Д., и Батарчук, А.Е. "Служба примирения: переговоры и решение конфликтов в образовательной среде." Доступно по адресу: https://cyberleninka.ru/article/n/sluzhba-primireniya-peregovory-i-reshenie-konfliktov-v-obrazovatelnoy-srede
4. Областная еженедельная общественная информационно-образовательная газета "Учительская плюс". "Как школе поможет медиация?" Выпуск №25(622). Доступно по адресу: https://uchitelskaya.kz/mneniya/kak-shkole-pomozhet-mediacziya
5. Закон Республики Казахстан "О медиации", статья 9, часть 4.
6. Ли Куан Ю. «Из третьего мира в первый. История Сингапура (1965-2000)». 147 с.
7. Боранбаева, Дина. "Я – твой ментор, ты – мой друг." «Казахстанская правда». Доступно по адресу: https://kazpravda.kz/n/ya-tvoy-mentor-ty-moy-drug

СТАТЬЯ ОТОЗВАНА

СТАТЬЯ ОТОЗВАНА

СТАТЬЯ ОТОЗВАНА

СТАТЬЯ ОТОЗВАНА

СТАТЬЯ ОТОЗВАНА

СТАТЬЯ ОТОЗВАНА

СТАТЬЯ ОТОЗВАНА

СТАТЬЯ ОТОЗВАНА

СТАТЬЯ ОТОЗВАНА

СТАТЬЯ ОТОЗВАНА

СТАТЬЯ ОТОЗВАНА

СТАТЬЯ ОТОЗВАНА

СТАТЬЯ ОТОЗВАНА

СТАТЬЯ ОТОЗВАНА

СТАТЬЯ ОТОЗВАНА

СТАТЬЯ ОТОЗВАНА

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

DOI - 10.32743/UniSoc.2024.113.10.18362

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФЕНОМЕНА ТРАДИЦИИ В ЭПОХУ ПЕРВОГО РЕНЕССАНСА

Бекбаев Рауф Рустамович
д-р. философии (PhD),
зав. кафедрой Управления образованием и педагогики международного университета «Tashkent International University of Education»,
Республика Узбекистан, г. Ташкент
E-mail: rauf.r.bekbaev@gmail.com

THE TRANSFORMATION OF THE PHENOMENON OF TRADITION IN THE ERA OF THE FIRST RENAISSANCE

Rauf Bekbaev
Doctor of Philosophy (PhD),
Head of the Department of Education Management and Pedagogy of the Tashkent International University of Education,
Republic of Uzbekistan, Tashkent

АННОТАЦИЯ

В статье представлен философский анализ трансформации феномена традиции в эпоху Первого Ренессанса. Автор рассматривает влияние древневосточных парадигм традиционализма на традицию данного периода и выводит его особенности в контексте не только развития философской мысли, но и некоторых социокультурных аспектов.

ABSTRACT

The article presents a philosophical analysis of the transformation of the traditional phenomenon in the era of the Renaissance. The author explores the influence of ancient Eastern paradigms on the traditionalism of this period and derives its features in terms of both philosophical thought and socio-cultural aspects.

Ключевые слова: традиция, традиционализм, компаративистика, Первый Ренессанс, Узбекистан, Центральная Азия.

Keywords: tradition, traditionalism, comparative studies, First Renaissance, Uzbekistan, Central Asia.

Первый Ренессанс Центральной Азии, охватывающий IX-XI века, стал периодом масштабного культурного и научного расцвета. В это время регион переживал выдающиеся достижения в математике, астрономии, медицине и философии. Развитие культуры на территории Центральной Азии в целом, и Узбекистана в частности, непосредственно связано с Первым Ренессансом, где проявляется сущностная трансформация традиции как таковой. На территории Центральной Азии к эпохе Первого Ренессанса существовали такие крупные традиции, как буддизм и зороастризм, но также имелись и локальные, местные традиции. И приход исламской традиции изменил вектор узбекской духовной эволюции, причем трансляция традиции осуществлялась на основе переводов античного наследия на арабский и персидский языки. Важно отметить, что существовавшая государственная власть того периода большое внимание уделяла переводческой деятельности, что особо отмечается исследователем Э. Мишкуровым в том контексте, что «фонды библиотеки «Дома мудрости» содержали порядка 400 тыс. рукописей на арабском, греческом, сирийском, персидском (пехлеви), коптском, санскрите, китайском и многих других языках. Библиотека постоянно пополнялась» [1, с. 5]. Исламская традиция создала благоприятные условия для гармонии научного и религиозного знания, что, в свою очередь, повлияло на преломление античной традиции в традициях Центральной Азии того периода. Потому то и не зря крупные традиционалисты делали такой большой акцент на исламской традиции, как занимающей промежуточное положение между Востоком и Западом, ибо действительно, она стала мостом между цивилизациями [2, с. 32]. Причем диалог культур в данном контексте носил комплексный характер, не ограничиваясь лишь наукой

Библиографическое описание: Бекбаев Р.Р. ТРАНСФОРМАЦИЯ ФЕНОМЕНА ТРАДИЦИИ В ЭПОХУ ПЕРВОГО РЕНЕССАНСА // Universum: общественные науки : электрон. научн. журн. 2024. 10(113). URL: *https://7universum.com/ru/social/archive/item/18362*

и философией, а экстраполируясь на всю культуру в целом.

С приходом ислама на территорию Центральной Азии утрачивается роль зороастрийской и буддийской традиций, но тем не менее, они смогли включиться в новую традицию и оставили свой след в культурной идентичности. И тут с позиции традиционализма мы должны отметить, что исламская традиция проявляется экзотерически в шариате и фикхе, эзотерически – в суфизме. Первый Ренессанс представлен целой плеядой известных всему миру ученых и мыслителей, но каковы конкретные проявления трансформации традиции в их концепциях? Исследователь А. Камалетдинова пишет, что «мировоззрение аль-Фараби – превосходный пример синтеза дохристианских учений (следование и углубление взглядов на государство, общество и человека Платона и Аристотеля) и мусульманских традиций» [3, с. 85]. Но в таком случае в философии Фараби проявляется и синтез традиций, с чем мы не согласны. По нашему мнению, Фараби, как предтеча компаративистики, осуществил не синтез, а именно интеграцию традиций, на базе чего им была разработана собственная, комплексная философия, гармонизирующая в себе различные традиции именно в том русле, как это видится в традиционализме. Отсюда же и сформирована им широкая платформа для диалога традиций, религий и культур Востока и Запада. То есть, таким образом, философия Фараби создала базис для межрелигиозного диалога, на который так акцентировал внимание, к примеру, Ф. Шуон; для межцивилизационного диалога, на котором концентрируется компаративистика; и для межкультурного диалога, на котором фокусируется межкультурная философия. И все это вбирает в себя современный традиционализм.

Несомненно, что наследие античной философии и особенно неоплатонической существенным образом повлияло на мыслителей эпохи Первого Ренессанса и Фараби, который, как второй учитель, не зря выделял «божественного Платона», но не относил это к Аристотелю. Мы рассматривали неоплатоническую традицию в других своих работах и отмечали ее ключевые характеристики, но именно она глубже всего трансформировалась в традиции Первого Ренессанса. Аристотелевская традиция стала лишь неким рациональным конструктом этой традиции, но ее фундаментом и жизненной силой стала именно неоплатоническая традиция. С чем это связано? Именно неоплатонизм столь близок к метафизике традиции, проявляющейся в ее эзотеризме, представленной в период Первого Ренессанса суфизмом. Современные исследователи достаточно противоречивы в своих оценках касательно Фараби и суфизма, ибо одни пишут, что он был суфием, а другие склонны рассматривать его как рационалиста аристотелевского духа. Однако сущностное углубление в его философию раскрывает глубоко мистические аспекты его учения, что, как пишет исследователь С.А. Султонзода, «берет начало не только под влиянием Корана, но и из учения неоплатоников и зороастризма» [4, с.224]. Мы можем говорить о преемственности традиций, причем в философии Фараби это проявляется как в экзотерическом, так и эзотерическом контекстах. Само употребление выражения «божественный Платон» в наименовании одного из трактатов Второго учителя показывает, как фундаментальная основа традиции в философии Фараби проявляется именно в эзотеризме. Причем интересно то, что, как отмечает исследователь К. Гахраманова, «Фараби считает, что все религии движутся к центру. Этот центр – Сам Бог» [5, с. 57]» , что само по себе напоминает концепцию Шуона о трансцендентном единстве религий. В экзотерическом контексте же философия Фараби проявляется в своем социально-философском отражении, где им развивалась комплексная политическая философия. Причем его теория государства достаточно близка к социальной философии традиционализма, особенно в контексте социальной иерархии и взаимосвязи духовной и мирской власти. Не менее значима и фигура Абу Али Ибн Сины, в философии которого также обнаруживается преломление различных традиций [6, с. 21].

Античная традиция нашла свою трансформацию в рамках арабо-мусульманской культуры, но здесь же на ее базе было сформировано собственное, комплексное мировоззрение, которое гармонизировало с наукой, философией и культурным развитием Центральной Азии в целом. Ислам стал, можно сказать, благодатной почвой для дальнейшего развития традиции в регионе. Причем мы выше делали акценты на суфизм не только в силу того, что он представляет собой важную часть традиционализма, но и потому, что он оказал глубокое влияние на культурную идентичность и проявляется это влияние и в современном Узбекистане. Исследователи Б. Абирова и Ш. Рысбекова отмечают, что «суфизм осуществляет сохранение на территории Центральной Азии многих праздников, восходящих к зороастризму, митраизму, тенгрианству, элементов шаманизма и других древнейших верований. В них сохраняется коллективная память народов» [7, с. 13] и с нашей точки зрения, суфизм является важным межкультурным феноменом, межкультурной традицией, которая сформировала почву для интеграции различных тюркских и других народов.

Отрадно, что большое значение придается духовному наследию наших предков, громадным пластом которого явились как научные достижения Первого Ренессанса, так и философия, особенно – суфизм. Последний создает духовную основу для межкультурного диалога и интеграции, а проблему межкультурной коммуникации решает, по нашему мнению, язык, причем носящий усредненный характер, на что также отдельное внимание обращают Б. Каримов и Ш. Муталов, отмечая, что «в многонациональных государствах возникает языковая проблема. В таких государствах должен быть язык, служащий в качестве общего языка общения, называемый языком-посредником. В мире существует много языков-посредников. Модно рассматривать английской язык как мировой язык-посредник, и в мире существуют много регионов с их собственными языками-посредниками. Например, суахили

является таким языком в Восточной Африке, хинди – в Индостане, испанский и португальский в - Латинской Америке и т. д.» [8, с. 6].

Итак, феномен традиции и традиционализм в целом через перспективу наследия Первого Ренессанса создает широкий пласт возможностей для формирования диалога различных культур, но вместе с тем мы видим, что эта эпоха оставила глубокий след в историко-культурном наследии Республики Узбекистан.

Список литературы:

1. Мишкуров Э.Н. История арабоязычной переводческой традиции: начало пути (VIII-XIII вв.) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2008. – №2. – С. 6-17.
2. Алтаев Ж.А., Иманбаева Ж.М. Диалог Востока и Запада в арабо-мусульманской культуре // Әл-Фараби. – 2021. – №4(76). – С.31-41.
3. Камалетдинова А.Я. Философское видение аль-Фараби человека и общества // Вестник Челябинского государственного университета. – 2020. – №9(443). – С. 85-89.
4. Султонзода Соки Аслон. Аль-Фараби в исследованиях французских ученых // Вестник Педагогического унвиерситета. – 2019. – №5(82). – С.222-229.
5. Гахраманова К. Концепция духа и сознания Аль-Фараби // Әл-Фараби. – 2022. – №4(80). – С. 54-61.
6. Абу Али ибн Сино. Избранные произведения. Том 4. – Душанбе: Ирфон, 1992.
7. Абирова Б.И., Рысбекова Ш.С. Суфизм в Центральной Азии // Вестник КазНУ. Серия философия. Серия культурология. Серия политология. – 2012. – №2(39). – С. 11-15.
8. Каримов Б.Р., Муталов Ш.Ш. Усредненные языки: попытка решения мировой языковой проблемы. – Ташкент: Фан, 2008.

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

DOI - 10.32743/UniSoc.2024.113.10.18412

СОФИЗМ И ПАРАЛОГИЗМ КАК МЕХАНИЗМЫ МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ

Тошов Хуршид Ильхомович
Докторант (DSc)
Национального Университета Узбекистана, доцент,
Республика Узбекистан, г. Ташкент
E-mail: sujdiniya@mail.ru

SOPHISM AND PARALOGISM AS MECHANISMS OF MANIPULATION OF CONSCIOUSNESS

Xurshid Toshov
Doctoral researcher
of the National University of Uzbekistan, docent,
Republic of Uzbekistan, Tashkent

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается аргументационный механизм феномена манипуляции сознанием с точки зрения парадигм формальной и неформальной логики. При этом, прежде всего, проводится сравнительный анализ концепций, направленных на объяснение возможностей процессов убеждения и доказательства в формальной и неформальной логической парадигме, которые считаются необходимым элементом структуры феномена манипуляции интеллектом. Обосновано, что критерии классификации аргументов являются важным фактором в различении аргументации и манипуляции. Особое внимание уделяется идее о том, что интенциональный аспект ошибок, допускаемых в процессе аргументации, может определить их функции в качестве манипулятивного механизма.

ABSTRACT

This article examines the argumentation mechanism of the phenomenon of mind manipulation from the point of view of paradigms of formal and informal logic. At the same time, first of all, a comparative analysis of concepts aimed at explaining the possibilities of the processes of persuasion and proof in the formal and informal logical paradigm, which are considered a necessary element of the structure of the phenomenon of manipulation of intelligence, is carried out. It is proved that the criteria for classifying arguments are an important factor in distinguishing argumentation and manipulation. Special attention is paid to the idea that the intentional aspect of errors made in the process of argumentation can determine their functions as a manipulative mechanism.

Ключевые слова: манипуляция, логика, неформальная логика, паралогизм, софизм, релевантные аргументы, иррелевантные аргументы, логические уловки, психологические уловки, универсальная аудитория.

Keywords: manipulation, logic, informal logic, paralogism, sophism, relevant arguments, irrelevant arguments, logical tricks, psychological tricks, universal audience.

Феномен манипуляции сознанием исследуется различными социально-гуманитарными науками такими, как психология, политические науки, социология, лингвистика. Область философских знаний часто игнорируется. Даже в исследованиях, где феномен манипуляции исследуется с философской точки зрения, часто преобладают социально-философские, философско-антропологические и культурно-философские позиции. Однако, элемент убеждения, занимающий центральное место в структуре феномена манипуляции интеллектом, является одним из важных объектов исследований в этом направлении. Данный методологический стереотип сформирован в результате отображения элемента эмоционального воздействия в структуре феномена манипуляции сознанием как субстанциональной основы данного феномена. Проще говоря, когда говорят о манипуляции среди широкой общественности, часто считается правильным понимать ее в смысле эмоционально-психологического воздействия. Такой подход естественным образом служит подтверждению подхода, выдвигающего рассмотрение манипуляции в качестве предмета исследования в области психологии, тогда как теория и практика аргументации, считающиеся неотъемлемым, даже важным, практическим направлением логики, исследуют не только аспекты формально-логического механизма убеждения, которые считаются необходимым элементом в структуре манипуляции, но и эмоционально-психологические аспекты. Такой единый подход сформировался в результате ограничения круга исследований в области логики только

Библиографическое описание: Тошов Х.И. СОФИЗМ И ПАРАЛОГИЗМ КАК МЕХАНИЗМЫ МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ // Universum: общественные науки : электрон. научн. журн. 2024. 10(113). URL: *https://7universum.com/ru/social/archive/item/18412*

возможностями формальной логики. В этом смысле возникает необходимость обращения к теоретико-методологическим возможностям различных направлений логики при исследовании феномена манипуляции сознанием.

Обычно логика, точнее, разум и здравый смысл понимаются как важный принцип, лежащий в основе аргументации [1, с. 19]. В исследованиях, направленных на изучение теории аргументации и истории риторики, подчеркивается, что Иммануил Кант одним из первых обратил внимание на важность определенных формальных структур в процессе логического обоснования. Благодаря такому взгляду мыслителя впоследствии возникла традиция выделять формальные формы, предполагающие формы доказательства предмета логики с исключением содержания, и не обращая внимания на логические формы рассуждения и доказательства, выделять неформальные виды, изучающие их содержание [2, с. 356]. Однако не следует упускать из виду и тот факт, что феномен формального аргументации был известен еще до Канта. В частности, Г.В. Лейбниц высказал следующее мнение: «Я под аргументацией подразумеваю не только схоластические аргументации (силлогизмы), используемые в школах, но и любой процесс наблюдения, который может служить основанием для формулирования выводов. В этом смысле для меня образцом силлогической цепочки, свободной от повторения, являются числительные, или хорошо структурированные расчеты, методы решения алгебраических задач, анализ бесконечно малых величин, являющиеся формально-аргументирующим процессом. Потому что, благодаря тому, что их форма наблюдения была заранее доказана, можно быть уверенным, что при опирании на такие методы доказательства не будут допущены ошибки. Хотя в евклидовом доказательстве используются сокращенные силлогизмы, считающиеся энтимемами, их также часто можно привести в качестве примера аргументации по форме. Это приводит к некоторому сокращению процесса, не уменьшая силы доказательства. Все действия, подобные умножению и делению в этом виде обращающихся к нему доказательств, относятся к области математики и к формам аргументации, применяемым в рамках ее предмета, и математики доказывают такие формы аргументации посредством общелогических форм (формул)» [3, с. 493].

Из-за этих взглядов и методологических подходов на основе вышеуказанных критериев позже в теории и практике аргументации возникла идея классификации доказательств в формальном, т.е. логическом, а также неформальном (для примера психологическом) виде. Исходя из этого, можно сказать, что сфера действия законов и правил формальной логики во многих случаях считается ограниченной в рамках научной коммуникации. В этом смысле даже в рассуждении великого немецкого математика Давида Гильберта (1862 - 1943), что «формальная логика не лежит в основе никакой науки, кроме математики» [4, с. 464], кажется, существует немало элементов истины.

Взгляды на то, что теория и практика аргументации приобретают ограниченный характер в рамках формальной логической парадигмы и, следовательно, не позволяют исследовать манипулятивные эффекты, глубоко обоснованы в исследованиях таких исследователей, как Роберт Заулисс, Стефен Тулмин, Ирвинг Копи, Чарльз Хэмблин, Говард Кахэйн, и раскрыта необходимость неформальной логической парадигмы. По мнению С.И. Поварнина, Джона Роберта Гулы, Вячеслава Николаевича Панкратова, Дугласа Нейла Уолтона, а в своих исследованиях обоснование аргументации, критерии выбора убедительных доказательств, классификация манипулятивных хитростей, рассматриваемых с точки зрения естественного языка и неформальной логики, открыли путь к развитию ограниченного фактора теории и практики применения формальной логики, наряду с тем, что препятство, точнее, если законы и правила формальной логики ограничивали возможности применения техники аргументации на уровне повседневной коммуникации, исключая содержание естественного языка и мысли, то, с другой стороны, с методологической точки зрения они открывали путь к выходу из этой путаницы. В частности, датский философ Нильс Нильсен указывает на три концепции, направленные на решение вопроса выхода из такой методологической путаницы:

1. Концепция пространственной организации аргументов. Согласно ему, при выборе аргументов можно ориентироваться не только на научные, но и на такие речевые сферы, как повседневная жизнь, реклама. Это, в свою очередь, означает отказ от тенденции строго оценивать доказательства на основе правил формальной логики и разделять их на правильное и неправильное.

2. Частная аудитория, концепция частной аудитории. Согласно ему, стратегии и тактики аргументации будут ориентированы на конкретный состав речи (ситуативный контекст), точнее, конкретной аудитории. Несмотря на то, что этот фактор отрицается с точки зрения правил формальной логики, в неформальных логических концепциях он считается необходимым шагом в построении процесса аргументации в целом, в частности, в выборе доказательств, применяемых в данном процессе. Хейм Перельман в своих произведениях относится к этому вопросу следующим образом:

Очевидно, что наше исследование, посвященное аргументации, в определенной степени выходит за рамки риторики античного периода по некоторым аспектам и отрицает некоторые аспекты этого предмета, интересовавшего именно мастеров искусств. Изначально их предметом было публичное убедительное ораторское искусство, направленное на использование устной речи и речи с целью поддержания благожелательного настроения по отношению к представленному тезису с обращением к толпе, собравшейся в массовых местах. Если учесть, что задача убеждения адресата оратора также относится к процессу аргументации, то мы не видим смысла упростить наше исследование, посвященное аргументации, на уровне устного слова [5], а также просто

представить понятие аудитории в виде толпы, собравшейся на площади [6, с. 6]. Однако следует также отметить, что подобные рассуждения можно встретить и в древние эпохи эволюции теорий аргументации. В частности, Аристотель характеризует красноречие и политику как области между диалектикой и моралью. Потому что, по его мнению, ораторство и политика в своей структуре сочетают в себе элементы двух вышеупомянутых сфер. Ибо, если доказательства и методы доказательства диалектики являются общими для всех людей, то доказательства и средства доказательства, используемые в ораторском искусстве, выбираются в зависимости от характера аудитории, к которой они предназначены. Эту же ситуацию можно сравнить с музыкантом, который адаптируется в зависимости от вкусов разных слушателей.

Для того чтобы выдвигаемый тезис был в совершенстве убедителен, речь должна быть настолько гибкой и насыщенной вариациями, что оратор должен выражать однообразное суждение, используя понятные каждому слушателю слова. Точнее, правдивость одного тезиса должна быть доказана каждой аудитории различными способами. Однако, если обратить внимание на историю ораторского искусства, то сторонники классических теорий стремились найти скорее универсалии, направленные на эмоциональное оформление и более сильное рациональное обоснование речи, чем адаптивные методы, позволяющие вступать в диалог с характером аудитории, каждым человеком. В частности, исходя из деловых, политических, социокультурных, психологических, ментальных аспектов речи, можно сосредоточиться на адаптации. Было бы целесообразно провести множество исследований над этим вопросом, который мы обсуждаем, называя его «индивидуальной речевой мудростью».

3. Концепция коммуникативных игр. Согласно этой концепции, игнорирование теорий аргументации, основанных на формально-логической модели общения, исключающей реальную действительность, предполагает обращение к естественному языку (natural language, language-in-use), точнее, к более живой речи.

Такие исследователи, как Роберт Заулисс, Стефен Тулмин, Ирвинг Копи, Чарльз Хэмблин, Говард Кахэйн, проводившие исследования в области неформальной логики, уделяли серьезное внимание нелогичным методам аргументации (неформальное аргументация), широко используемым в сферах повседневного бытового общения, политических споров, рекламы [7]. Исследования перечисленных исследователей послужили основой для новой теории аргументации [8]. Исследования в этом направлении получили широкое развитие в 70-х годах XX века. В частности, в 1978 году был основан журнал «Informal Logic», который позволил популяризировать исследования в области неформальной логики.

Живший в XVIII веке английский богослов и логик Ричард Уэйтли утверждал, что существуют правила, выводящие истинные рассуждения, относящиеся к логике, а также правила, относящиеся к риторике, предполагающие убеждение в истинности тех же рассуждений [9]. Однако, усовершенствовав эту точку зрения Ричарда Уэйтли, можно сказать, что, когда речь идет об убеждении, речь идет не о правилах, а о методах, которые относятся скорее к эристике и софистике, чем к риторике.

По мнению канадского ученого Труди Гувье, существование четко зафиксированных правил считается характерной особенностью самой формальной логики. если придерживаться данного определения, то «не верю, что принципы теории аргументации приобретают формальный характер» [10, с. 111]. Ясно, что ни эристика, ни софистика, ни черная риторика Умышленные ошибки или нарушения правил, допущенные в процессе логической аргументации, называются софизмами. В древнегреческой традиции такие ошибки понимались не предполагают соблюдения определенных жестких правил. В этом смысле невыполнение правил формальной логики нередко приводит к манипулятивным эффектам.

Несознанное, непроизвольное, непреднамеренное нарушение правил логического аргументирования называется логическими ошибками. Логические ошибки в такой форме в древнегреческой ораторской традиции имеют значение паралогизмов (по-гречески, Хоуюцод (вывод ложных выводов, обман), Хоуоцаг (ошибка в расчетах, неправильное наблюдение). Ликон, один из учеников Аристотеля, высказывает следующее мнение о тех, кто допускает ошибки в процессе аргументации: «они не могут довести свои наблюдения до конца, как люди, которые измеряют прямую с неправильным измерением, оценивают лицо по его кривому стеклу или его отражению в стоячей воде» [11, с. 249]. Паралогизмы обычно «возникают вследствие множества факторов, таких как низкая культура мышления, спешка» [12, с. 204].

Умышленные ошибки или нарушения правил, допущенные в процессе логической аргументации, называются софизмами. В древнегреческой традиции такие ошибки понимались в значениях тонкого мышления, хитрости, преднамеренной ошибки. Софизмы в себе используя желаемое средство в споре, означают преднамеренное допущение логической ошибки в процессе доказательства для введения в заблуждение соперника с целью достижения победы [13, с. 294]. В широком смысле использование в любой форме акта нарушения правил аргументации с целью убеждения можно назвать софизмом. В узком смысле софизм считается логическим приемом, вернее, ложным, квазилогическим приемом - логическим трюком. Гейм Перельман называет аргументы, формально похожие на логические или математические структуры [14, с. 1396], квази-аргументами [15, с. 53]. Именно сходство не только сближает факты, относящиеся к этим двум категориям, но, наоборот, ограничивает возможность их различения. Это создает благоприятные условия для манипуляторов. В этом смысле методы ложнологического аргументирования могут вызывать у субъектов манипуляции как бы истинное впечатление. Другими словами, каждый квазилогический аргумент кажется людям зеркальным отражением

истинного логического аргумента. Несколько изменив известное определение Квинтилиана, он подчеркивает, что софизм и логические ошибки (паралогизмы) можно различать друг от друга за счет преднамеренного применения софизмов, а логические ошибки не за счет преднамеренного применения. Некоторые специалисты, проводившие исследования по этому вопросу, отмечают, что обучение аргументации на основе ошибок похоже на обучение теннису путем демонстрации ошибок [17, с. 324]. Однако, в отличие от Теннеса, в процессе аргументации допускаются преднамеренные ошибки. А преднамеренные ошибки впоследствии, в результате повторения, могут стать способом убеждения людей в ложном тезисе и техникой манипулирования разумом. Исходя из этого, систематическое изучение ошибок, возникающих в процессе аргументации, а иногда и преднамеренно допускаемых, позволяет не только не допустить их, но и рано обнаружить и устранить такие хитрости, когда они внедрены соперником для преднамеренного попадания в логическую ловушку.

Использование в тексте паралогизмов и софизмов приводит к тому, что он приобретает бессмысленное, нелогичное, ложное содержание. Специалист по теории аргументации Джон Роберт Гула (1941-1989) начинает свою работу следующим замечанием: «Как неприятно и пугающе осознавать бессмысленность (nonsense) того, что вы слышите, но еще хуже, когда не хватает сил понять причину этой бессмысленности» [18, с. 3]. Осознание собственной слабости, точнее, слабости своего ума, действительно неприятно. Такие чувства накапливаются и постепенно приводят к развитию комплекса неполноценности.

Умышленное нарушение правил в процессе аргументации называется неправильной аргументацией. В большинстве исследований, направленных на изучение методов аргументации, они часто классифицируются на правильные и неправильные виды, опираясь на морально-нравственные критерии. Эта же тенденция преобладает в исследованиях феномена манипуляции сознанием. В частности, убеждение с использованием методов, которые считаются неверными с точки зрения нравственности, указывается как один из важных признаков манипуляции сознанием. Известный русский психолог Вячеслав Николаевич Панкратов определяет использование неправильных методов аргументации как «технику ведения дискуссии, спора, основанную на формах воздействия, недопустимых с нравственной точки зрения, играющих на тонких чувствах собеседника, таких как самоуважение, стыд, и выводящих его из психологического равновесия» [19, с. 16], относя их к психологическим уловкам. Естественно, что такая интерпретация уловок, применяемых в процессе аргументации, считающейся важным механизмом манипуляции сознанием, преобладает в исследованиях по этой теме. В традиционных исследованиях в этой области под манипуляцией сознанием и уловками, применяемыми в процессе аргументации, понимаются неправильные и неприемлемые методы, используемые для достижения преимущества в коммуникативной ситуации, максимального удовлетворения своих интересов, победы в споре и ослабления позиции противника. Это считается «умышленным нарушением законов логики и теории аргументации с целью укрепления собственной позиции и уничтожения позиции оппонента» [20, с. 115].

Такое отношение к уловкам, характеризуемым как методы неправильной аргументации, имеет долгую историю. Например, в высшем судебном и политическом органе Древних Афин (ареопаге) было законодательно запрещено использование уловок, вызывающих у людей такие чувства, как гнев или сожаление [21, с. 88]. А в средние века бесконечно продолжались споры о целесообразности использования таких методов.

Понятие методов правильной аргументации ориентировано на универсальную аудиторию и опирается на разум и логику. Термин «универсальная аудитория», введенный Х. Перельманом в широкое научное употребление, подразумевает абстрактный, точнее, недостижимый риторический идеал [22, с.179], сфера действия которого соответствует этическим принципам. Учитывая тот факт, что такая идеальная аудитория не может существовать в реальной действительности, некоторые исследователи оценивают это понятие как излишнюю теоретическую нагрузку [23, с. 138-139].

Однако, как отмечал Ивин, «невозможно последовательно и полностью классифицировать неправильные методы аргументации. Например, методы аргументации, которые считаются правильными при использовании в процессе пропаганды, могут быть неправильными и чуждыми в научной сфере» [24, с. 365]. Врачи могут использовать методы аргументации, которые считаются неправильными или неэтичными другими, в пользу пациентов, адвокаты – в пользу защищаемой стороны, учителя – в пользу учеников, родители – в пользу детей. Очевидно, что методы убеждения, необходимые и хорошие в одной ситуации, в другой могут считаться плохими или даже вредными. В этом смысле методы аргументации можно сравнить с боевыми приемами, поскольку практически невозможно точно указать, какой из них более этичен. Кроме того, злоупотребление средствами дискуссии в суде не означает их бесполезности или вредности, так же как использование определенного метода аргументации в корыстных целях не означает, что он абсолютно не должен применяться. Иными словами, в этической дискуссии по данному вопросу необходимо обсуждать не правильность или неправильность определенного метода аргументации, а то, насколько цели его использования соответствуют нравственным нормам. Ведь любой метод аргументации может быть использован как в положительных, так и в отрицательных целях.

В древнегреческих традициях также широко обсуждались методы правильной и неправильной аргументации и их нравственные последствия. При этом выдвигается идея о том, что предметом нравственного обсуждения должна быть не применяемая методика, а цель ее использования. В частности, взгляды на необходимость оценки соответствия

или несоответствия методов аргументации нравственным нормам в зависимости от цели их применения можно встретить и в учении Горгия из Леонтин, одного из представителей школы софистов. Парадоксально, что представители школы софистов, в том числе и Горгий, придерживались позиции гносеологического релятивизма в отношении доказательства истинности суждений, согласно которому одновременно можно доказать и истинность, и ложность любого суждения. Более того, представители школы софистов исторически прославились нарушением правил логики и теории аргументации, иначе говоря, активным использованием неприемлемых, неправильных методов аргументации для убеждения масс в своих тезисах, а также обучением этому других за деньги. Однако в содержании его выдвигаемый тезис был совершенно убедителен, диалога с Сократом можно встретить вышеупомянутое суждение.

Канадский логик Дуглас Нейл Уолтон (Университет Виннипега), профессор философии, исследовавший вопрос о соответствии методов аргументации нравственным нормам, выдвигает следующую мысль: «По-видимому, при решении сложного вопроса о классификации эристических методов с точки зрения нравственности рекомендуется придерживаться принципа нравственного релятивизма, в противном случае мы можем столкнуться с риском спутать то, что действительно существует, с тем, что кто-то считает должным существовать, или даже с тем, что кто-то считает хорошим или плохим» [25].

Как видно, как в древних традициях, так и в современных исследованиях выдвигается мнение о том, что предметом обсуждения должно быть не столько то, является ли определенный метод аргументации морально правильным или неправильным, сколько соответствие их использования нравственным принципам. Исходя из этого, можно сказать, что при классификации методов аргументации с обращением к этическому критерию не должен оставаться без внимания интенциональный аспект.

Марк Туллий Цицерон в своем произведении «Об ораторе», рассуждая об аргументах, выдвигает следующее утверждение: «Все средства, используемые для доказательства и опровержения в речи, берутся либо из сущности дела, либо извне» [26, с. 162]. Исходя из вышеизложенного рассуждения мыслителя, можно различить типы аргумента и аргументации ad rem и ad hominem. Эти два вида аргументов и аргументации функционально противоположны друг другу. В частности, если посредством первого типа доказывается истинность тезиса, то через второй выясняется целесообразность принятия тезиса [27, с. 21]. Проще говоря, аргументы, относящиеся к типу ad rem, направлены на доказательство истинности тезиса, точнее, на его логическое обоснование, а аргументы ad hominem - на убеждение адресата в истинности тезиса посредством манипулятивных средств и тем самым изменение его поведения.

По мнению известного русского логика Г.А. Брутяна, «всякий процесс правильной аргументации включает в себя доказательство как необходимый и основной элемент в своей структуре» [27, с. 89]. Согласно традиции формальной логики, только аргументы ad rem считаются действительными аргументами, а статус аргументов ad hominem как аргумента опровергается специалистами на основе критерия релевантности. Термин «критерий релевантности» был введен американским ученым Эдвардом Деймером в исследования теории аргументации. Предложенный Деймером критерий релевантности позволяет классифицировать доказательства как сильные (valid) и слабые (invalid) [28, с. 183-201]. Аргумент ad rem (от лат. «к делу» означает приведение доказательства, обращаясь к сути дела, или рациональный аргумент) представляет собой процесс приведения доказательства, непосредственно связанного с сущностью дела. Цицерон называет его аргументацией, основанной на логике [лат. argumentum ad judicium (к здравому смыслу), ad iudicium], аргументом ad veritatem [лат. к истине или объективному доказательству], а также демонстративным доказательством, из которого последовательно и логично вытекает тезис. Аргументы ad rem имеют существенную силу в ситуации, когда фактические основания тезиса, который должен быть доказан, сильны и значимы. В данной ситуации тонкие приемы, а также красивые выражения, используемые в ораторском искусстве, могут выполнять функцию речевого украшения, а не манипулятивного средства, если они применяются на основе определенной логической последовательности.

Исходя из результатов анализа вышеупомянутых рассуждений, можно сказать, что необходимо различать ораторское искусство и строгую логическую рациональную аргументацию [29, с. 315]. Иными словами, в ситуации, когда адресант не может привести достаточных и обоснованных фактов для доказательства выдвигаемого им тезиса, или, когда рациональные методы аргументации не имеют силы воздействия в процессе убеждения конкретного адресата и конкретной аудитории, применяются риторические, точнее, манипулятивные методы.

Аргумент Ad hominem (лат. аргумент, направленный на человека, опирающийся на иррациональность, эмоции, чувства) предполагает методы, применяемые с целью психологического воздействия на оппонента. Использование эмоционального языка в процессе аргументации, точнее, использование средств выражения, вызывающих эмоциональные впечатления, такие как сочувствие, страх, считается неприемлемой манипулятивной уловкой. Аргументы ad hominem не затрагивают сущности дела, говоря проще, речи или предмета спора, а, наоборот, являются нерелевантными по отношению к нему. Аргументы ad hominem не считаются действительными с точки зрения формальной логики. Поэтому их часто называют софистическими, нелогичными, нерациональными, недемонстративными, ложными аргументами и методами доказательства. В древнегреческой риторической традиции также преобладал такой подход по отношению к аргументу ad hominem и основанным на нем методам убеждения.

На самом деле такие движения души, как милосердие, гнев, относятся не к рассматриваемому делу, а, наоборот, к судье, который его рассматривает. Если бы судебная система была организована так же, как в некоторых современных странах, особенно в тех, которые имеют хорошие основы государственности, эти теоретики не смогли бы высказаться. Судебная система такой формы одобряется всеми, но некоторые предпочитают это произносить (имеется в виду использование в речи аргументов с эмоциональной окраской).

Одни считают запрещение задачей закона, другие же пользуются законами, не позволяющими говорить о вещах, не относящихся к сути дела. Этот порядок верен, и не следует сбивать судью с толку, вызывая у него чувства гнева, зависти или сострадания, что можно сравнить с ситуацией человека, искривившего нужную ему линейку. Очевидно, что если релевантность является основным критерием применения аргумента, то приобретение им иррелевантного свойства считается одной из основных логических ошибок. Аргументы, относящиеся к обсуждаемой тематической области, называются argumentum externum (внешний аргумент), а аргументы в его рамках – argumentum internum (внутренние аргументы). Примерами иррелевантных аргументов могут служить психологические уловки, применяемые в манипулятивных целях. К ним можно отнести аргументы, основанные на нерациональных факторах, таких как жалость, подсчет чужого кармана, убеждения, честолюбие, авторитет, традиции и ценности. Аргументы этого типа также называются доводами, основанными на пафосе или сентиментальности. Такого рода аргументы совершенно не применяются в области научной аргументации, но могут использоваться в судебной практике с определенными ограничениями. Использование argumentum ad hominem в нормальных условиях свидетельствует об аргументационной бедности в представляемом деле. Однако он может быть использован в ситуациях, когда судья и подсудимый находятся на противоположных позициях. Проще говоря, рекомендуется использовать argumentum ad hominem с учетом того факта, что поспешное применение действительного аргумента может нанести ущерб самому адресанту.

Поскольку сфера действия методов аргументации ad hominem в основном ограничена масштабами психологически нестабильных, легко поддающихся влиянию отдельных лиц и социальных групп, а методы аргументации ad rem опираются на сильные эмпирические и логические основы, их можно использовать в любой аудитории. Исходя из вышеуказанных особенностей, аргументы и методы аргументации, относящиеся к типу ad hominem, являются контекстуальными (ситуативно ограниченными), а аргументы и методы аргументации, относящиеся к типу ad rem, носят универсальный характер. Если манипуляторами правильно выбрана социальная ориентация, эмоциональные методы аргументации выполняют эффективную функцию. Например, разработано четыре вида рекламного текста, в которых рекламируются четыре вида тканей. В этих рекламных текстах использовались различные методы аргументации. В тексте, содержащем рациональные положительные аргументы, показано, что предлагаемая ткань изготовлена из высококачественной шерсти, ее можно стирать дома, она не растягивается при стирке и не теряет цвет, имеет различные узоры и оттенки (1). В тексте, основанном на рациональной аргументации, сочетающей положительные и отрицательные элементы, помимо преимуществ, указанных в первом тексте, упоминается один недостаток: ткань можно чистить только в сухих условиях, а именно средствами химической чистки (2). Реклама, содержащая эмоционально-положительный аргумент, также включает информацию о том, что платье из предлагаемой ткани гарантирует новый и элегантный внешний вид, поднимает настроение, нравится женщинам и т.д. (3). В тексте, основанном на эмоционально-негативной аргументации, показано, что ткань избавляет женщин от проблем и забот (4). На практике наиболее эффективное влияние оказал текст (3), в котором использовалась эмоционально-положительная аргументация. Текст с рациональной положительной аргументацией (1) занял второе место по эффективности воздействия.

Аргументы ad rem и ad hominem соответствуют двум объектам, которые могут быть использованы для воздействия на адресата. Первый из них - разум, логика, по-гречески называемый «логос». В древнегреческих или классических теориях риторики логос понимался как разум. Сам же разум означает интеллект, здравое мышление, рациональное начало, а также рациональное аргументирование [30, с. 166].

В качестве второго объекта воздействия выступают эмоции, чувства адресата, по-гречески называемые пафосом. Пафос (по-гречески событие, происходящее, несчастье, испытание) в переносном смысле понимается как страсть, волнение. В традициях классической риторики эмоция трактуется как эмоциональное начало человека или как чувства, которые оратор хочет пробудить у адресата.

Два вышеупомянутых объекта воздействия на адресата соответствуют двум типам аргументации: Первый из них - это фигуры мысли, опирающиеся на человеческий разум. Фигуры мысли, в отличие от фигур речи, направлены не на форму выражения, а на содержание рассуждения. Однако в современных исследованиях в области теории аргументации и риторики установлено, что в отличие от классических концепций, фигуры мысли могут влиять на способ выражения, и наоборот, фигуры речи могут влиять и на содержание. Эта ситуация, в свою очередь, вызывает определенные методологические трудности в их дифференциации.

Способы аргументации, направленные на чувства адресата, его волю и ошибочные убеждения, соответствуют второму объекту воздействия. В учении о фигурах, развивавшемся в средневековой риторической традиции, классифицируются эмоциональные состояния и соответствующие им формы речевого выражения [31, с. 296-297]. Также психологические уловки можно охарактеризовать как особый вид методов психологического убеждения.

Способы аргументации (логос и пафос), соответствующие вышеупомянутым двум объектам воздействия, являются инструментальным средством структуры риторики и феномена манипуляции сознанием. Однако в этой традиционной дихотомической схеме не уточнено положение речевых фигур. Потому что уловки, связанные с языковыми выражениями, являющимися ярким примером речевых фигур, могут быть использованы не только как средство психологического воздействия с целью убеждения, но и как аргумент. К числу таких аргументов относятся, например, доводы, основанные на этимологии.

Для правильного анализа и систематизации речевых приемов, направленных на убеждение, целесообразно обращаться к категориям каналов воздействия, относящихся к адресанту, и каналов восприятия, относящихся к адресату. Языковой канал также относится к их числу. Если способ убеждающего воздействия проявляется в связи с определенной речевой фигурой, то этот метод одновременно сочетает в себе речевые и психологические или речевые и логические элементы.

Рассмотрим выдвинутый вывод на примерах: требовать денег у кого-либо, угрожая ножом, считается чисто психологическим воздействием. Однако многократное повторение просьбы дать денег является речевым аспектом. Кроме того, речь попрошаек одновременно оказывает и речевое, и психологическое воздействие. - Дайте мне водки, дайте, дайте! Дайте ее бесплатно! Вы богаты, а я беден...

Следует особо подчеркнуть, что методы логического и психологического воздействия не обязательно всегда выражаются посредством речевых фигур. В этом смысле понятия речевой фигуры, фигуры мысли и психологического метода находятся в отношениях пересечения (частичного соответствия) в рамках понятия фигуры (способа) как родового понятия.

С этой точки зрения понятия влияния и способа воздействия занимают центральное место в концепциях классической риторики.

Обобщая результаты анализа вышеперечисленных методологических подходов, можно сказать, что разум и эмоции являются объектами воздействия убеждения. Однако в этом процессе речь выступает основным каналом влияния. Это, в свою очередь, дает возможность использовать речевые фигуры в процессе убеждения как для воздействия на разум, так и для воздействия на эмоции. Кроме того, те же аспекты учитываются при классификации признаков манипуляции, которые подчеркиваются в исследованиях, направленных на изучение феномена манипуляции сознанием. Поэтому целесообразно классифицировать методы убеждения, даже манипуляции, не на две, а на три группы: логического, психологического и речевого характера. Естественно, что способы манипулирования сознанием могут иметь и другие классификации. Однако, если исходить из точки зрения инструментов элемента убеждения, занимающего центральное место в его структуре, можно убедиться в уместности данного рассуждения.

Список литературы:

1. Fahnestock J., Secor M. A rhetoric of argument. 3rd ed. New York, 2003. P. 19.
2. Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике. М., 1998. С. 356; Johnson R.H. Manifest rationality. A pragmatic theory of argument. New Jersey, 2000. P. Ill—142 (гл. 5 «Informal logic: an alternative theory of argument»).
3. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении. 1703—1704// Соч. в 4 т. Т. 2. М., 1983. С. 493.
4. Hilbert D. The foundations of mathematics // From Frege to Godel. Cambridge, 1927. P. 464.
5. Имеется в виду необходимость исследования особенностей аргументации в письменной форме речи, в частности в современной печати (modern printing press). — В.М.
6. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. The new rhetoric. A treatise on argumentation. Univ, of Notre Dame Press, 1969. P. 6.
7. Имеются в виду работы: Thouless R.H. Straight and crooked thinking. Cambridge, 1930; Copi I. Introduction to logic. New York, 1957; Kahane H. Logic and contemporary rhetoric. The use of reason in everyday life. Belmont, 1971 и др.
8. Johnson R.H. Manifest rationality. A pragmatic theory of argument. New Jersey, 2000. P. 111.
9. Whately R. Elements of rhetoric comprising an analysis of the laws of moral evidence and persuasion with rules for argumentative composition and elocution. Kessinger Publishing, 2005. P. 281.
10. Govier T. Problems in argument analysis and evaluation. Dordrecht & Berlin, 1987. P. 14—15.
11. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986. С. 249.
12. Ивлев Ю.В. Логика. М., 1992. С. 204.
13. Солодухин О.А. Учебник по логике. Ростов-на-Дону, 2000. С. 294.
14. Perelman Ch. The new rhetoric. A theory of practical reasoning // The rhetorical tradition / ed. P. Bizzell & B. Herzberg. New York, 2001. P. 1396.
15. Perelman Ch. The realm of rhetoric. Univ, of Notre Dame Press, 1982. P. 53.
16. Поварнин С.И. Спор. О теории и практике спора // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 107.
17. Hitchcock D. Do fallacies have a place in the teaching of reasoning skills or critical thinking? // Fallacies. Classical and contemporary readings / ed. H.V. Hansen & R.C. Pinto. Penn State Press, 1995. P. 324.

18. Gula R.J. Nonsense. A handbook of logical fallacies. Axios Press, 2002. P. 3. Первое изд.: Gula R.J. Nonsense. New York: Stein & Day, 1979.
19. Панкратов В.Н. Манипуляции в общении и их нейтрализация. М., 2001. С. 16.
20. Култышева И.В. Уловки в доказательстве как способ аргументации в предвыборных листовках // Политическая лингвистика. 2010. № 2. С. 115.
21. Renaissance debates on rhetoric / ed. W.A. Rebhorn. Cornell Univ. Press, 1999. P.88.
22. Encyclopedia of rhetoric / ed. Th. O. Sloane. Oxford Univ. Press, 2001. P. 61 & 173; Кассен Б. Эффект софистики. СПб, 2000. С. 179.
23. Foss S., Foss K., Trapp R. Contemporary perspectives on rhetoric. 2nd ed. Waveland press, P. 138—139.
24. Ивин А.А. Теория аргументации. М., 2000. С. 365.
25. Walton D. Ethical argumentation. Lexington Books, 2003. P. 195. Автор называет свой (новый ли? подход «новой диалектикой (new dialectic)» — вероятно, по ана¬логии с «новой риторикой» и «новой софистикой», для которых он как раз характе¬рен. См. также: Walton D. The new dialectic. Conversational contexts of argument. Univ, of Toronto Press, 1998.
26. Цицерон М.Т. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1994. С. 162.
27. Брутян Г.А. Аргументация. Ереван, 1984. С. 21.
28. Allen D. Attributed favourable relevance and argument evaluation // Informal logic. Reasoning and argumentation in theory and practice. Vol. 18. 1998. № 2 & 3. P. 183—201.
29. Rescher N. The role of rhetoric in rational argumentation // Argumentation. An international journal on reasoning. Vol. 12. 1998. № 2. P. 315.
30. Черч А. Математика и логика // Математическая логика и ее применение. М., 1965. С. 209.
31. Lanham R.A. A handlist of rhetorical terms. 2nd ed. Univ, of California Press, 1991. P. 166.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

ПРОБЛЕМА ДУХОВНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ В СЕМЕЙНОМ ОКРУЖЕНИИ

Рахмонова Нигина Талибовна

докторант
Самаркандского государственного университета имени Шарафа Рашидова,
Республика Узбекистан, г. Самарканд

THE PROBLEM OF SPIRITUAL STABILITY IN A FAMILY ENVIRONMENT

Nigina Rakhmonova

Doctoral student
of Samarkand State University named after Sharaf Rashidov
Republic Uzbekistan, Samarkand

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь пойдет о том, как формировать и развивать духовно-нравственное воспитание в семье. Семья издавна была очагом воспитания. Такие понятия, как добро и зло, нечистое и честное, порядочность и непристойность, изначально сформировались у человека в семье. Осознанность и бихевиоризм, сформированные в семейном окружении, защищают личность от пороков. В этом смысле новизна мысли и парадигма духовной зрелости обоснованы при изучении духовно-нравственной среды семьи и проявляются в своеобразной форме. Стремление к духовной зрелости-это твердое владение личностью своей человеческой позицией в жизни общества и деятельности человека, в соответствии с которой она живет в соответствии с поведением на основе социально-нравственных критериев.

ABSTRACT

This article will focus on how to form and develop spiritual and moral education in the family. The family has long been a hotbed of education. Concepts such as good and evil, unclean and honest, decency and obscenity were originally formed in a person's family. Mindfulness and behaviorism, formed in a family environment, protect a person from vices. In this sense, the novelty of thought and the paradigm of spiritual maturity are justified in the study of the spiritual and moral environment of the family and manifest themselves in a peculiar form. Striving for spiritual maturity is a firm possession by a person of his human position in the life of society and human activity, according to which he lives in accordance with behavior based on socio-moral criteria.

Ключевые слова: семья, духовность, духовная стабильность, Семейная среда, ребенок, воспитание, школа, этикет.

Keywords: family, spirituality, spiritual stability, Family environment, child, upbringing, school, etiquette.

Введение: Эпоха показывает, что вопросы укрепления семьи, воспитания здоровых детей и доведения их до взрослой жизни являются важными требованиями жизни. Семья принадлежит к важнейшим социальным ценностям. Каждый член общества, независимо от его социального положения, национальности, имущественного и материального положения, имеет те же характеристики, что и семья, от рождения до конца его жизни зависит от его семейного окружения. Судьба семьи зависит от самого человека. Духовно-нравственный облик семьи строится на основе знаний и опыта, переданных нам от наших предков, культурных ценностей, а также на основе достижений наших современников [1, 64].

Если в семье есть дисциплина, ее члены перенесут эти качества в процесс служения и используют их в общественной работе. Это позволяет им выполнять свои обязанности на высоком уровне. Если родители воспитывают своего ребенка в духе любви и верности Родине, это чувство будет сопровождать его на протяжении всей жизни.

Семья – святое место! Семья – это большая политика не только страны, но и всего человечества. Ведь выживание и непрерывность человечества зависят от семьи. Воспитание и духовность молодежи формируется в семье [2].

Анализ литературы по теме. На Востоке семья издревле считалась священной родиной. Если семейная обстановка здоровая и крепкая, в соседстве будут достигнуты мир и гармония. Поэтому мир и стабильность царят в государстве только тогда, когда соседство и страна сильны. Ведь семейное

Библиографическое описание: Рахмонова Н.Т. ПРОБЛЕМА ДУХОВНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ В СЕМЕЙНОМ ОКРУЖЕНИИ // Universum: общественные науки : электрон. научн. журн. 2024. 10(113). URL: *https://7universum.com/ru/social/archive/item/18315*

благополучие – основа национального благополучия. Поэтому, чтобы улучшить социально-духовную среду в семьях и микрорайонах в обществе, полностью и эффективно реализовать принцип «Благополучного и безопасного соседства», укрепить институт семьи, прежде всего, «Здоровая семья – здоровое Рассматривается в рамках проведения единой государственной политики, направленной на реализацию идеи «здорового общества» [3, 14]. Президент подписывает новые указы и решения, думая о будущем молодежи, которая является главной силой. На обеспечение исполнения решений и указов из государственной казны тратятся большие деньги. В их реализации участвуют писатели, ученые, педагоги, районные активисты и священнослужители религиозных учреждений. Меры по решению рассматриваемых проблем контролируются. Все это усилия, прилагаемые для будущего и развития страны.

На каждой встрече глава нашего государства акцентирует внимание на теме молодежи. Потому что молодежь – ведущая сила общества. На расширенном заседании Республиканского совета духовности и просвещения Президент обратился к представителям культуры: «Сегодня, когда наша страна вступила в новую эпоху развития, у нашего народа, особенно у наших детей, появилось чувство любви к Родине, забота о будущем нашей страны и чувство признательности за мирную, свободную и благополучную жизнь. «Вы, люди культуры, имеете несравненную роль и влияние в ее укреплении», - выразил он большую уверенность. Чтобы оправдать это доверие, мы все должны работать вместе. Необходимо тщательно планировать огромные задачи, которые предстоит выполнить в семье, школе, соседской системе. В нашем народе есть поговорка: «Обдуманная свадьба не распространяется». Если мы вместе подумаем и предпримем шаги на этой основе, мы обязательно достигнем своей цели [4, 258].

Сознание и поведение, сформированные в семейной среде, защищают человека от пороков. В этом смысле при исследовании духовно-нравственной среды семьи парадигма новизны мышления и духовной зрелости оправдана и проявляется по-своему. Стремление к духовной зрелости представляет собой прочную человеческую позицию человека в жизни общества и человеческой деятельности и означает жизнь в соответствии с поведением, основанным на социальных и моральных критериях.

Как отметил Президент Шавкат Мирзиёев, «...воспитание молодого поколения всегда было важным и актуальным. Но в XXI веке, в котором мы живем, этот вопрос действительно становится вопросом жизни и смерти. «Чем совершеннее образование, тем счастливее будет жить народ, а для того, чтобы образование было совершенным, совершенно нельзя допустить появления пробела в этом вопросе».

Анализы и результаты. Наиболее подходящим местом для формирования духовности человека является семья. К какой бы национальности ни принадлежала семья, она воплощает духовность этого народа и передает из поколения в поколение многовековые традиции и духовность. Ведь духовность человека, его мировоззрение, убеждения, жизненные принципы, идеалы, ценности, набор навыков формируются главным образом в семье. В этом смысле семья считается крепостью духовности, а семья отражает духовность того народа, к которому она принадлежит. Поэтому через семью проявляется неповторимый национальный характер узбекской семьи, его проявление в межличностных отношениях в семье, различных семейных обрядах, обычаях, традициях, наши национально-духовные ценности. Взаимное уважение в узбекских семьях, уважение к родителям, доброта к детям, уважение к маленьким формируют человека как целостную личность, совершенную личность, нравственно и духовно прекрасную и зрелую, развивающую человеческие качества. И суть этих ценностей прививается в сознании детей изначально через воспитание в семейной среде. При этом нравственное сознание, поведение и деятельность человека руководствуются ценностными принципами.

Развитие независимого Узбекистана сознательно поставило перед собой цель создания основ Третьего Возрождения через образовательную реформу и молодежный потенциал. Поэтому, рассматривая образование как социальное явление, образование должно осуществляться в соответствии с интересами общества и уровнем его развития. Так почему же нам следует рассматривать образование как социальное явление? Потому что в основе воспитания лежит социальность, общность, и в первую очередь воспитание в семейной среде включает в себя родителей, старшие поколения, родственников (бабушек, дедушек, теть, дядей, братьев, со стороны общины готовят наших). находит свое выражение дети для общественной жизни, а с другой стороны, сама среда общества организуется как система, которая помогает воспитывать подрастающее молодое поколение в определенном направлении. Оно включает в себя ряд социальных факторов, таких как социально-экономические, социокультурные связи, управление, контроль и социализация в социальной реальности.

Краткое содержание. Если в каждой семейной среде будут формироваться щедрость, доброта, доброта и мягкость, то это обеспечит умеренность и перспективность среды общества. Мы знаем, что добродетельный человек не только украшен хорошими манерами, но и может поставить интересы людей выше своих собственных. Прощение (прощение) в личном поведении, основанное на мягкости, сформировавшейся в семейной среде; компромисс (компромисс); формируются такие качества характера, как мягкость (умеренность). Итак, человек, обладающий добродетелью кротости, является духовно сильным человеком. Кротость – это доброта против невежества в личности, и это качество делает человека зрелым как миролюбивый человек. Честь и достоинство проявляются в поведении, убеждениях, поведении и мыслях человека. Честный и добросовестный человек – это строгая дисциплина.

Духовно-нравственная деятельность представляет собой высокие нравственные нормы и правила, регулирующие исторически сложившееся поведение, поведение, взаимодействия людей в общественной и личной жизни. Отношения в обществе формируются на основе духовно-нравственных принципов и выступают важным аспектом общественного развития. Именно поэтому на начальном этапе реализуемых в обществе реформ пробуждение мышления людей, повышение их инициативы и активности является основой нравственного реформирования, ведь, согласно принципам ортодоксальности, в развивающихся странах свобода мысли и сознания деятельность, нравственность являются фактором развития общества. По мере развития общества становится очевидным, что существует необходимость повышения внимания к этическим отношениям. Учебный процесс, образовательная деятельность, самопожертвование и патриотизм необходимы для развития, роста и развития. Воспитание и образовательная деятельность начинаются с привития нравственных качеств, усвоения и формирования духовных ценностей.

Список литературы::

1. Mirziyoyev Sh.M. Buyuk kelajagimizni mard va olijanob xalqimiz bilan birga quramiz. – Toshkent: “O’zbekiston” NMIU, 2017.
2. Mirziyoyev Sh.M. Erkin va farovon, demokratik O’zbekiston davlatini birgalikda barpo etamiz. – Toshkent: “O’zbekiston” NMIU, 2017. – 56 b.
3. Oila psixologiyasi: Darslik. Pedagogika oliygohlari talabalari uchun // V.M. Karimova. – T.: “Fan va texnologiya”, 2008.
4. Matluba Qahhorova Islom tafakkuri jurnali 2021-yil 4-son.
5. Rashidovna I.Z. Oilada yoshlar tarbiyasi. SCIENTIFIC ASPECTS AND TRENDS IN THE FIELD OF SCIENTIFIC RESEARCH, 1(9).

PAPERS IN ENGLISH

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

GENERAL HISTORY

DOI - 10.32743/UniSoc.2024.113.10.18486

HISTORY TEACHING IN THE UNION OF SOVIET REPUBLICS

Remzi Adsız
Doctor of educational sciences,
assistant professor of the Hakkari Univeristy,
Turkey, Hakkari
E-mail: remziadsiz@hakkari.edu.tr

Yavuz Ercan Gul
Doctor of Pedagogical Sciences, assoc. prof.
Department of Educational Sciences, Faculty of Letters,
Kyrgyzstan Turkey Manas University,
Kyrgyzstan, Bishkek
E-mail: yavuz.gul@manas.edu.kg, ydidim@gmail.com

ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ В СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИКАХ

Ремзи Адсиз
д-р пед. наук, доцент
Университета Хаккари,
Турция, г. Хаккари

Явуз Эрджан Гуль
доцент,
Департамент педагогических наук, факультет литературы,
Кыргызско-Турецкий Университет «Манас»,
Кыргызстан, г. Бишкек

ABSTRACT

This study aims to determine the characteristics of history teaching in the USSR (Union of Soviet Socialist Republics) period. Document analysis method was used in the research. As a result of the research, it was determined that history teaching during the USSR period was used as an important tool to establish the state ideology among the peoples within the borders of the country. The research also showed that different approaches were exhibited in the understanding of history teaching in this period depending on the periods. In the emergence of this understanding, the way the party leaders evaluated the events, social, political and economic developments inside and outside the country also affected this understanding.

АННОТАЦИЯ

Целью данного исследования является определение особенностей преподавания истории в период СССР (Союза Советских Социалистических Республик). В исследовании использовался метод анализа документов. В результате исследования установлено, что преподавание истории в период СССР использовалось как важный инструмент утверждения государственной идеологии среди народов в пределах страны. Исследование также показало, что в зависимости от периода в понимании преподавания истории в этот период проявлялись разные подходы. На возникновение этого понимания повлияло и то, как партийные лидеры оценивали события, социальные, политические и экономические события внутри и за пределами страны.

Keywords: USSR, history teaching, ideology, Marxist-Leninist ideology.

Библиографическое описание: Adsız R., Gul Y.E. HISTORY TEACHING IN THE UNION OF SOVIET REPUBLICS // Universum: общественные науки : электрон. научн. журн. 2024. 10(113). URL: *https://7universum.com/ru/social/archive/item/18486*

Ключевые слова: СССР, преподавание истории, марксистско-ленинская идеология.

Introduction

History teaching has been done by societies for different purposes from past to present. In general, it is done to bring societies living within the borders of the same country together, to unite them, to give them common perspectives, that is, to give them a national identity [1]. However, while doing this, historical events can be distorted in line with the needs, values and ideologies of states [2]. The most important reasons for this are; to legitimize the reasons for the existence of the state, to adopt the state ideology, to gain supporters who have adopted the ideology [3]. Therefore, in many countries of the world, students are generally expected to adopt the information given to them about history as it is, rather than questioning it [4]. This is because most of the countries of the world teach the history of their countries from their own perspectives in schools. From this point of view, history teaching in schools can be considered as one of the ways of rationalizing the reasons for the existence of all states. During the USSR period, an understanding of history teaching around common values was followed by societies consisting of different ethnic elements throughout the country. History is also taught in order to contribute to children's understanding of the reasons for the occurrence of events in the past and present [5].

This study aims to determine the characteristics of history teaching in the USSR (Union of Soviet Socialist Republics) period.

Document analysis method was used in the research

Education in the USSR

The USSR (Union of Soviet Socialist Republics) is a multinational state established in 1922 as a result of the success of the October revolution, which was initiated by the oppressed peoples of Tsarist Russia under the leadership of Lenin in 1917 to gain freedom and better financial conditions [6]. According to source [7], in this new understanding of the state based on the views of Karl Marx and Lenin, it was aimed to fuse all ethnic elements living within the borders of the USSR with Russian culture and to build a communist society without classes, property, religious and national values [7]. The point stating the supposed aim "to fuse..." is questioned further in our article.

Realizing that education systems are one of the most effective tools used by states to transform, develop and control societies, the new regime, under the leadership of Lenin, began to carry out intensive educational activities to establish the Communist order [8]. Education was put to work for the construction of a communist society through schools, and it was aimed to ensure that children adopt the state ideology through ideological indoctrination from an early age [9]. For these purposes, the education programs and textbooks prepared in Moscow began to be taught in all schools across the country with the same subjects and methodology [10]. Since it was believed that the adoption of the state ideology by the people could only be achieved by raising the level of education of the people, many compulsory and free education practices were initiated throughout the country in order to raise the level of education of the people [11].

The initiation of a literacy campaign, the opening of new educational institutions and cultural centers are some of the activities in this direction. As a result of these efforts, the level of education of the people was significantly increased [12]. By raising the level of education of the people, the adoption of the state ideology by the people was also accelerated.

Vision of History Teaching in the USSR Period

In the understanding of history created in the USSR, the Marxist understanding is formally dominant due to its approach to the events of the past in the form of class struggles. However, in general, there is an understanding of history that refers to the views of the Communist Party leaders in line with the needs of the country according to the conditions of the period [13].

During the USSR period, history teaching in the whole country was given under the name of General History and History of the USSR, and political and ideological indoctrination was made in the program and course contents [14]. In the content of the books, the role of the Russian nation as a savior for other ethnic elements against external threats was emphasized, and through this means, it was aimed to unite the people around common interests. History textbooks and curricula prepared by the People's State Committee of the USSR were prepared with the approval of the central authority to be used in educational institutions affiliated to the republics in different parts of the country [7].

According to source [15], in the transmission of historical events, distortions were made from time to time, generally in favor of Russian interests [15]. However this depends on the point of view and reasoning of a historian, nowadays one could say that history in the country of that source is viewed from time to time in disfavor of Russian interests.

During the USSR period, many educational policies were developed and implemented to transform society. The discipline of history was also used in achieving the success of these educational policies, and textbooks and educational programs were created in line with the goals to be achieved [16].

During the USSR period, history teaching was tried to be used as an effective instrument in adopting the ideology of the state to the people and in creating the desired human profile. According to source [15], in history education, where ideology was used intensively, history teaching was used to create the new Soviet people by tearing nations away from their essence through textbooks and educational programs over a long period of time [15]. However the development of various national languages (including unprecedent for them numbers of publications in national languages), cultural institutions etc and national industries in the republics

of the USSR indicates the opposite. The central government spent lots of money on all these developments.

According to source [17], with history teaching, it was aimed to realize changes and transformations in line with the policies determined by the party, to bring other ethnic elements closer to Russian culture and to create a society with common values [17]. We should point out that learning the Russian language as an intermediary language was impossible without touching the Russian culture. Today learning the English language as an intermediary language is spread. But the modern culture which accompanies English brings in numerous things which are perversions if one looks at them through the traditional cultures of different peoples. The Soviet culture if taken in general was much more in harmony with traditional cultures of different peoples.

For these purposes, history discipline was used to benefit from the creation of the new Soviet people by instilling Marxist-Leninist ideology in children from an early age [7].

Education of History Teachers in the USSR Period

During the USSR period, teacher training was generally emphasized and teacher selection was meticulous. Care was taken to select the people who would serve as teachers among those who had adopted the official ideology [8]. Particular attention was paid to the fact that the selected teachers were people from the local population who had distanced themselves from their religious values and made the Marxist-Atheist Soviet thought their philosophy of life [18].

The students of the History Department are not only trained to teach, they are trained in a multifaceted way. Since these students were intended to be employed in schools, in the party service and in different departments of the public sector, it was important to train them to be competent in Marxist-Leninist theory, to have deep theoretical knowledge and practical skills in their specialties, and to be experts in organizing political and educational work. [17]. Graduates who started to work as teachers were expected to train cadres to support the regime and to carry out education and training activities in line with the policies and ideology determined by the party [15].

Conclusion

History teaching during the USSR period was used to ensure the acceptance and internalization of Marxist-Leninist thought by the society and to create its supporters. At the core of the idea; an understanding based on Soviet values and internationalism was adopted, in which religious teachings were trivialized. The main goal was to create a society with a common thought and perspective with the newly established state. The science of history was also utilized in the realization of these goals. When the history of the country is analyzed, it is observed that the understanding of history teaching in the USSR period took place in different ways in different periods. The perspective of the rulers of the communist party and the conditions of the period were effective in this. The history of all peoples of the USSR was taught in the context of the whole state/country. During and after World War II, there were some positive arrangements and softening in regards of ideology. Although there have been changes from time to time since the 1960s, this softening continued until the 1980s. Between 1985 and 1990 the obstacles preventing nations from teaching their own history were largely eased.

References:

1. Carretero, M., Rodríguez-Moneo, M., & Asensio, M. (2012). History education and the construction of a national identity. History education and the construction of national identities, 1-14.
2. Öztürk M. Tarih ve İdeoloji. Tarih ve Tarihçilik, 257
3. Demircioğlu, İ.H. (2021). Tarih Öğretmenin Amaçları. Tarih Nasıl Öğretilir?, 5, 67.
4. Tan, D. (2004). What is history teaching and learning?.Agayev, E. (2006). Sovyet ideolojisi çerçevesinde Türk cumhuriyetlerinin tarih yazımı ve tarih eğitimi: Azerbaycan örneği.
5. Turan, R. (2015). Tarih öğretmenlerinin lise tarih derslerinin genel amaçlarının öğrencilere kazandırılma düzeylerine ilişkin görüşleri (Ankara ili örneği). Turkish Journal of Educational Studies, 2(3).
6. Kuzu, N. (2018). Sovyet Sosyalist Cumhuriyetler Birliği'ninDağılma Süreci, (Nuri KUZU 2023): Sakarya
7. Agayev, E. (2006). Sovyet ideolojisi çerçevesinde Türk cumhuriyetlerinin tarih yazımı ve tarih eğitimi: Azerbaycan örneği.
8. Slobodian, S. (2017). The state policy in the field of school education in the Soviet Russia in 1917–1923. Biuletyn Historii Wychowania, (36), 57-76.
9. Grant, N. (1967). Fifty Years of Soviet Education. The Jnsh Journal of Education, 1/1, 89-106.
10. Tudge, J. (1991). Education of young children in the Soviet Union: Current practice in historical perspective. Elementary School Journal, 92(1), 121-133.
11. Kurashvili, L. (2020). The Coolaboration of School and Family During The Soviet Union Period (Experience of Georgia). Studies in Comparative Education, (1), 26-33.
12. Alimbekov, (2021). A. The Education System of The Kyrgyz Republic. Oku Kitebi,

13. Turan, R. (2019). Sovyet Resmi Tarihçiliğinde Müsavatçılara ve Azerbaycan Demokratik Cumhuriyeti'ne Yaklaşım. Turkish History Education Journal, 8(1), 263-289.
14. Turan, R. (2016). History teaching in Turkmenistan from Soviet Turkmenistan to the independent republic Sovyet Türkmenistanı'ndan bağımsız devlete Türkmenistan'da tarih öğretimi. Journal of Human Sciences, 13(3), 5978-5997.
15. Naudžiūnienė, A. (2020). History Education as a Form of Value Indoctrination in Soviet Lithuania. Educational Reforms Worldwide, 42.
16. Saraç, H. (2019). Kutsalı Topyekün Dönüştürme Çabası: Lenin ve Stalin Döneminde Sovyetler Birliğinin Din Politikası. Kafkas Universitesi. Sosyal Bilimler Enstitu, (23), 73-96.
17. Кулакова, Я.В. (2019). Подготовка учителей истории в СССР во второй половине 1950-середине 1980-х гг.(на материалах педагогических институтов Восточной Сибири). Вестник Томского государственного университета, (439), 155-159.)
18. Gül, Y.E. (2021). Kırgızistan'da SSCB Sosyo-Politik Eğitim Sistemi ve Kahrolsun Cehalet Derneği'nin Faaliyetleri (1924-1927). Bilig, (99), 115-135.

POLITICAL SCIENCE

THEORY AND PHILOSOPHY OF POLITICS, HISTORY AND METHODOLOGY OF POLITICAL SCIENCE

DOI - 10.32743/UniSoc.2024.113.10.18486

HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF THE PHENOMENON OF INFORMATION WARS

Elvin Talyshinsky
Doctor of Philosophy in Political Science, Associate Professor
Head of the Department of Political and Social Sciences,
«Azerbaijan» University,
Azerbaijan, Baku
E-mail: elvin.talishinsky@au.edu.az

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ФЕНОМЕНА ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН

Талышинский Эльвин
д-р философии по политическим наукам, доцент,
заведующий кафедрой «Политические и социальные науки»,
Университет "Азербайджан",
Азербайджан, г. Баку

ABSTRACT

The article is devoted to the study of the most pressing problem of our time – information warfare. It is noted that today the policy of introducing information warfare is the most important element in the policy of each state. That is why the study of the problem of information warfare is of particular importance within the framework of political science. The article provides the concept of information warfare, information confrontation and information aggression, and examines their components. The purpose of the article is to study the numerous means and methods of information warfare, which is a form of information confrontation, which is becoming today a very important tool for achieving geopolitical dominance in the international arena.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию самой актуальной проблемы современности – информационной войны. Отмечается, что сегодня политика внедрения информационной войны является важнейшим элементом в политике каждого государства. Именно поэтому изучение проблемы информационной войны имеет особое значение в рамках политической науки. В статье дается понятие информационной войны, информационного противоборства и информационной агрессии, рассматриваются их составляющие. Целью статьи является исследование многочисленных средств и методов информационной войны, которая является формой информационного противоборства, становящейся сегодня весьма важным инструментом достижения геополитического доминирования на международной арене.

Keywords: information warfare, science, historical phenomenon, confrontation, aggression.
Ключевые слова: информационная война, наука, исторический феномен, противоборство, агрессия.

Introduction

In modern conditions, along with the geographical space, the information space is being formed. Today, humanity lives in an information society. This is a new type of society, where the possession of information is the driving force of its transformation and development. Information rightfully changes humanity and influences the course of world events. Traditional confrontations between states are carried out both in physical and in the new - virtual, or cyberspace. The theoretical foundations for the study of information warfare were laid at the beginning of the 20th century, and since the 2000s, its new stage has begun - in connection with changes in this phenomenon in the context of modern local conflicts and the transformation of world wars into hybrid ones. The purpose of the article is to study the numerous means and methods of information warfare, which is a form of information confrontation, which is becoming today

Библиографическое описание: Adsız R., Gul Y.E. HISTORY TEACHING IN THE UNION OF SOVIET REPUBLICS // Universum: общественные науки : электрон. научн. журн. 2024. 10(113). URL: *https://7universum.com/ru/social/archive/item/18486*

a very important tool for achieving geopolitical dominance in the international arena.

Materials and Methods

In this research, a qualitative method was preferred. A detailed investigation of the topic was conducted within the framework of primary and secondary sources. A document-based data collection technique was used in the research. The primary and secondary sources used in the study were analyzed and interpreted based on the topic, leading to the conclusion of the study.

Information Warfare from a Political Perspective

All of this underscores the relevance of studying the problem of information warfare within the framework of political science. The contradictions and conflicts between states have now extended into the information space, and this has become a reality today.

In turn, the etymology of the word "war" is defined as the organization of armed struggle between states, social classes, etc.; a state of hostility between individuals; a dispute, quarrel with someone; struggle. War is a socio-political phenomenon, a special state of society, associated with a sharp change in relations between states, nations, and social groups, leading to the use of armed violence to achieve political, economic, military, and other goals. Alongside armed struggle, which constitutes the main essence of war, economic, diplomatic, ideological, psychological, informational, and other means and corresponding forms of struggle may also be employed during wartime and in the preparatory period [1, p. 664].

Before defining information warfare, it is important to understand the concept of information itself, which is the primary resource and content of information warfare. The term "information," derived from the Latin "informatio," means clarification or exposition of something. In general terms, it refers to the measure of the distribution of matter and energy in space and time, as well as the measure of changes that accompany all processes occurring in the world.

Information is a general scientific concept that encompasses the exchange of data and signals between living and non-living nature, as well as between people and devices. In other words, information refers to knowledge about objects and phenomena in the environment. The parameters, properties, and state of information reduce the degree of uncertainty and incompleteness of knowledge. In the theory of information warfare, it is important to distinguish between two concepts: information and data. Data, in turn, are considered as signs or recorded observations that are not used for any purpose but are merely stored. When this data begins to be used to reduce the uncertainty of the future, it transforms into information. Therefore, it can be asserted that information becomes data that is actualized. Information forms, alongside the existing field of reality, what is known as the informational field, and together with information flows, it creates the informational space.

The informational field is the totality of all information concentrated in a given volume of space-time, regardless of its forms and states, existing independently of both the object of reflection and the subject of perception. An informational flow, in a general sense, is the collection of information that moves through the informational space via a communication channel [5, p. 399].

From an organizational and technical perspective, the structure of the informational space consists of a combination of databases and data banks, the technologies for their use, information and telecommunications systems, networks, applications, and organizational structures that operate based on specific principles and established rules, ensuring informational interaction among users and meeting their informational needs. Thus, the informational space is a dimension of confrontation where information serves as the weapon, and the struggle is aimed at a targeted change in individual and collective consciousness. The essence of the informational space is defined by the well-known scholar in the field of information warfare research, I. Panarin, as a collection of informational resources, systems for the formation, dissemination, use, and storage of information, and the informational infrastructure [4, p. 275].

The Interconnection of Informational and Political Spaces in Society

The informational space, as a basis for the development of information warfare, is interconnected with the political space in various ways and is in constant interaction and mutual penetration with it. The political life of society always unfolds in space and time. The social space represents a branched system of social relations, which records the coexistence of a vast variety of social-objective entities and events in terms of their order, density, and degree of coverage, reflecting the real process of societal life. Being embedded in the space of the biosphere and cosmos, the social space is divided into a number of subspaces that form a system, one of the structural elements of which is the political space. This space is formed by the totality of social subjects influencing the system of state organization. Each of these subjects is characterized by a specific location of the social subject engaged in political activity, thus becoming a political subject among others like it. From this perspective, the political space can be defined as one of the fundamental concepts in the philosophy of political consciousness, a category denoting a part of the social space, the parameters of which capture the place, direction, depth, and extent of the influence of social subjects on the established system of state organization in society [2, p. 57].

The political space acts as a peculiar matrix through which established political relationships in society are reproduced, as well as relationships to the system of state organization, the bearers of state power, and the norms of behavior enshrined in customs, traditions, and laws, along with the achieved level of political culture and systems of values. Like social space as a whole, political space has an objective character. This is evident in the fact that at any moment in the existence and development of a state-organized society, there are political subjects that relate differently to the established state structure and political power.

The political space, like social space in general, is characterized by both continuity and discontinuity. Continuity is expressed in the fact that political activity is a necessary attribute of every state-organized society at all stages of its historical development. Discontinuity manifests itself, first, in that the political activity of a specific political subject lasts for a certain period and is interrupted by the cessation of its existence. Political space is inherent only to state-organized societies.

The structure of political space consists of specialized fields, and the specificity of political space is revealed through the dynamics of the struggles that unfold in each of these fields [6, p. 421].

Synthesizing the concepts of informational and political spaces, one can derive the integrative notion of informational-political space— a combination of subjects and objects of informational-political action and interaction; the information itself intended for use by subjects of informational-political interaction; the informational infrastructure that enables the exchange of information between subjects; and the social relations that arise in connection with the formation, transmission, dissemination, and storage of information, as well as the exchange of information within society [3, p. 75].

Information warfare is a form or degree of development of informational confrontation. Informational confrontation refers to the competition among social systems in the informational and psychological sphere for the ability to influence certain areas of social relations and to gain control over sources of strategic resources. As a result, some participants in this competition gain advantages necessary for further development, while others lose them. Based on intensity, scale, and means, the following degrees of informational confrontation are distinguished: informational expansion, informational aggression, and information warfare [6, p. 213].

The concept of "information warfare" was first introduced in 1985 in China. The theoretical approaches of Chinese specialists in the field of informational confrontation are based on the views of the ancient Chinese military figure Sun Tzu (5th century BC). He was the first to argue for the necessity of informational influence on the opponent. In his "Treatise on the Art of War," Sun Tzu noted: "In all warfare, the general principle is to capture the state intact... Winning a hundred battles is not the pinnacle of skill. To subdue the enemy without fighting—this is the supreme excellence" [3, p. 94]

Considering modern approaches, information warfare should be viewed in two main aspects: as informational confrontation and as informational struggle, i.e., a new form of geopolitical rivalry between parties and a sphere of armed conflict.

Information warfare is aimed at achieving the goals of the country's state policy, both in peacetime and in wartime. This is a natural, objective process that has always been and will be relevant in the relations between states, regardless of the development of cooperation between them.

Informational confrontation (in the political sphere) consists of three components:

Strategic political analysis.

Informational influence.

Informational counteraction.

Strategic political analysis is a set of activities aimed at gathering information about the opponent (competitor) and the conditions of informational confrontation; collecting information about one's allies; processing information and exchanging it among members of one’s political community to organize and conduct actions. The information must be current, reliable, and comprehensive.

The second component of informational confrontation is informational influence. It includes activities aimed at blocking the gathering, processing, and exchange of information, as well as the dissemination of disinformation.

The third component consists of activities related to informational counteraction (protection), which include actions aimed at unblocking information necessary for managing political processes, blocking disinformation disseminated and introduced into the system of shaping global and public opinion by competitors (opponents) [2].

Informational confrontation today can confidently be considered a product of societal development. It is a result of scientific and technological progress and the informational integration of the global community, and having emerged as an independent form of conducting foreign policy, it arose at a certain stage in the development of society. Powerful states in terms of information technology, military, and intelligence capabilities have gained new opportunities to implement their planned strategies: imposing their will on other nations and states; allowing unauthorized interference in the information infrastructure of states; and anonymously targeting opposing electronic weaponry. Therefore, it is not surprising that in the 20th century, English, German, Russian, and researchers from other countries began actively studying and formulating definitions of information warfare.

Information warfare is a set of actions taken to achieve informational superiority by damaging the information and processes based on the opponent's information systems, while simultaneously protecting one's own information systems.

Information warfare gained particular significance in the 20th century, when print media (newspapers, magazines), radio, and later television became mass media. It was in the 20th century that information disseminated through these means became widespread. Information warfare is a new field of knowledge in which there is active training of specialists worldwide.

The main goal of information warfare is to disrupt the exchange of information within the opponent's camp. It is important to note that informational weapons are generally not used to inflict casualties; however, in some cases, this is not excluded. In this sense, technological advancements have ultimately led us to a bloodless war while simultaneously creating exceptionally effective weapons. These weapons do not target the population; instead, they incapacitate the state mechanism [7, p. 385].

Conclusion

Currently, the study of information warfare, its emergence and development, forms of manifestation, and methods of implementation is highly relevant. Investigating the numerous means and methods of information warfare, which is a form of informational confrontation, is becoming an essential tool for achieving geopolitical dominance on the international stage and simultaneously serves as a certain guarantee for building an effective system of information security. On the other hand, the relevance of this study is heightened by the threat of new forms of political extremism that will be based on the use of modern types of information warfare.

References:

1. Volkovsky, N.L. History of Information Wars: in 2 parts. — St. Petersburg: LLC Publishing House "Poligon," 2003. — Part 2. — 735 pages.
2. World History in Dates and Events. Moscow: Raduga, 2002. – 315 pages.
3. Manoylo, A.V. State Information Policy in the Context of Information-Psychological Warfare / A.V. Manoylo, A.I. Petrenko, D.P. Frolov. — 2nd ed., stereotype. — Moscow: Hot Line—Telecom, 2009. — 541 pages.
4. Panarin, I.N. Information Warfare and Diplomacy. Publishing House "Gorodets," 2004. — 526 pages.
5. Prokofyev, V.F. The Secret Weapon of Information Warfare. Moscow: SINTEG, 1999. — 152 pages.
6. Contemporary International Relations. Textbook / Ed. by A.V. Torkunov. — Moscow: "Russian Political Encyclopedia" (ROSSPEN), 1999. — 584 pages.
7. Talyshinsky, E.B. The Essence of Information Warfare in Globalization Processes // University Scientific Notes. – 2012. – No. 2. – pp. 385-389.

PHILOSOPHICAL SCIENCES

SOCIAL PHILOSOPHY

DOI - 10.32743/UniSoc.2024.113.10.18455

THE EXİSTENCE OF DİFFERENT PROFESSİONS İN SOCİETY FOR THE LİVİNG ORGANİSM THAT İS HUMANİTY: AN EXAMİNATİON THROUGH PLATO'S 'THE REPUBLİC'

Babak Maharramov
PHD of Social Work Karabuk University,
Turkey, Karabuk
Department of Organization of Social Work Azerbaijan University,
Azerbaijan, Baku
E-mail: maherremovbabek@gmail.com
ORCİD: 0000-0003-0984-5651

СУЩЕСТВОВАНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ПРОФЕССИЙ В ОБЩЕСТВЕ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА КАК ЖИВОГО ОРГАНИЗМА: ИССЛЕДОВАНИЕ НА ОСНОВЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПЛАТОНА «ГОСУДАРСТВО»

Махаррамов Бабак
д-р философии в области социальной работы,
Университет Карабюк,
Турция, г. Карабюк
преподаватель кафедры Организация социальной работы,
Университет Азербайджана,
Азербайджан, г. Баку

ABSTRACT

The primary aim of this study is to discuss whether the existence of different professions that humans, as biologically living organisms, undertake to sustain their lives within social structures and social life is natural or not, through the lens of Plato's "The Republic." In "The Republic," Plato seeks to build an ideal society. According to him, individuals are born with different abilities and must work in professions that align with these abilities. In this context, it is emphasized that each individual must play their own role to maintain the integrity and functioning of the social structure. The study discusses the effects of the existence of various professions on society as framed by Plato's "The Republic." Furthermore, humans are evaluated from biological, social, and sociobiological perspectives. The research concludes by examining whether the existence of different professions in society is natural or necessary, in connection with Plato's work.

АННОТАЦИЯ

Основная цель данного исследования — обсудить, является ли существование различных профессий, которые человек как биологически живой организм принимает на себя для поддержания своей жизни в социальной структуре и социальной жизни, естественным или нет, на основе произведения Платона «Государство». В «Государстве» Платон стремится построить идеальное общество. По его мнению, индивиды обладают врожденными различиями в способностях. Им необходимо работать в различных профессиях, соответствующих этим способностям. В этом контексте подчеркивается, что для поддержания целостности социальной структуры и ее функционирования каждый индивид должен выполнять свою роль. В работе обсуждаются последствия существования различных профессий для общества в рамках произведения Платона. Кроме того, человек рассматривается с биологической, социальной и социобиологической точек зрения. В заключение, исследование обсуждает, является ли существование различных профессий в обществе естественным или необходимым, связывая это с произведением Платона.

Keywords: Plato, The Republic, society, human, sociobiology, professions.
Ключевые слова: Платон, Государство, общество, человек, социобиология, профессии.

Библиографическое описание: Maharramov B. THE EXISTENCE OF DIFFERENT PROFESSIONS IN SOCIETY FOR THE LIVING ORGANISM THAT IS HUMANITY: AN EXAMINATION THROUGH PLATO'S 'THE REPUBLIC' // Universum: общественные науки : электрон. научн. журн. 2024. 10(113). URL: *https://7universum.com/ru/social/archive/item/18455*

Introduction

Humans are as much biological beings as they are social ones. From a biological perspective, humans are a species that lives in groups. When viewed sociologically, a human is an individual who lives within a specific social structure. Biologically, humans have certain fundamental needs. It is known that individuals living in a social structure also have needs that must be met for their survival. To fulfill many of these needs, individuals in a social context must work in some capacity to sustain their lives. Considering this situation, while it is natural for a person to strive to meet their basic biological needs, is it also natural for an individual working in any job to exert effort to sustain their life and meet their needs within a social structure? The main question and boundaries of this study are whether the existence of different professions in society is a natural situation for an individual, who is an organic structure from a biological perspective, or not. This question, which forms the general framework of the study, is discussed in light of Plato's "The Republic" and the concept of humanity from biological, sociological, and sociobiological perspectives.

Materials and Methods

This study utilized a qualitative method. As a data collection technique, a document-based approach was used. Both primary and secondary sources related to the study were examined.

Human from Biological, Sociological, and Sociobiological Perspectives

From a biological perspective, humans are organic structures. Organically, humans are primates. Having gone through various evolutionary processes, humans are entities that adapt to geological environmental conditions and live in groups with other humans. According to C. Darwin's "Theory of Evolution,"[1] organisms that adapt to their geological environment survive, while those that do not become extinct. Looking at the evolutionary development of humans from the past to the present, various species such as Homo habilis, H. rudolfensis, H. erectus, H. ergaster, H. antecessor, etc., eventually led to the emergence of Homo sapiens (modern humans) [9,s. 66-85]. The reason for the extinction of other species has been their inability to adapt to their environment. In Darwin's theory, organisms that cannot adapt to their environment become extinct [5, s.97-100. 3, s.6-7]. Biologically, humans possess universal emotions and instincts. The universal emotions inherent in humans include feelings such as love, fear, disgust, and so on. Instinctively, like other organisms, humans struggle for survival, reproduction, and caring for and protecting their offspring.

From a sociological perspective, humans are individuals who live within a specific social environment. A person is born into a particular social context and sustains their life by adhering to the norms of that environment while interacting with others [2, s.261-278]. Humans undergo different socialization processes in their social development.

The first socialization process involves the individual adopting values that align with the structure of their family, producing moral, religious, and traditional value judgments appropriate to their family. The second socialization process is when the individual integrates with society and adopts the norms of the community in which they live. The third socialization process involves the individual synthesizing the value judgments acquired from both their family structure and the society at large. This completes the individual's socialization process. From a sociological standpoint, an individual is a being who lives alongside society and exhibits thoughts and behaviors appropriate to that society [4, s.117-140].

To examine humans from a sociobiological perspective, it is first necessary to explain what sociobiology is. Sociobiology emphasizes that certain behaviors and thoughts of humans are hereditary, drawing on Darwin's Theory of Evolution. According to sociobiology, the social behaviors of humans are actually inherited from their ancestors. As mentioned above, Darwin explains his Theory of Evolution through natural selection. That is, organisms that adapt better to their environment survive, while those that do not become extinct [5, s.97-100. 6, s.6-7].

According to sociobiology, individuals who cannot integrate with society and do not accept the norms and rules produced by that society cannot survive within it, and the existing social system expels such individuals. However, sociobiologists argue that some of these norms are also transmitted to humans through heredity. From a sociobiological perspective, humans acquire some of their thoughts and behaviors through their social structures, while others are performed as a result of their organic biological makeup, and some are integrated with the social structure through evolutionary advancement. As a result, certain hereditary social behaviors emerge [3, s. 175-186].

Plato's 'The Republic' in the Context of the Existence of Different Professions in Society

Examining the main ideas of Plato's philosophy, his understanding of the ideal state, and the social structure and division of labor within that state will help us understand whether the existence of different professions in society is natural or necessary.

Plato, the founder of systematic philosophy, based his philosophy on the "Theory of Ideas." He placed the concept of the virtuous person at the center of his philosophy [1, s.133-155]. Therefore, explaining Plato's understanding of the state and the idea of the virtuous person, along with the Theory of Ideas, is important for gaining more in-depth knowledge of the topic. Until the Renaissance, in Ancient Greece, Plato and the thinkers who followed him philosophized within the framework of the concept of the virtuous person. However, after

[1] *According to Darwin's Theory of Evolution, living organisms and all species have not reached their current state independently, but have evolved over millions of years through a chance process of natural selection (Natural Selection – organisms that adapt to their environment survive, while those that do not become extinct) (5, s.97-100. 3, s.6-7).*

the Renaissance, this idea of the virtuous person was rejected and replaced by a more self-serving, individualistic understanding [10, s. 27].

Plato states that the relationship between the state and the individual is intricate. According to him, humans are social beings, meaning that people must always be in interaction with one another. This is because humans have different needs and require the help of others to meet those needs. In a state, for example, food needs to be met by farmers, clothing by weavers, and shelter by builders. A state is also necessary for these individuals to conduct their transactions smoothly [11, s.27-46]. As thinkers like Hobbes, Locke, and Rousseau have noted, the absence of a state—referred to as the natural state—leads to chaos. From this perspective, a state is essential and serves as a guarantee for people to live safely and interact with one another.

According to Plato, society is composed of individuals with different natures. Some possess a nature of gold, others silver, copper, or bronze. Those with a gold nature are good rulers, while those with a silver nature serve as helpers to the gold-natured individuals. Those with copper and bronze natures continue their lives as weavers and farmers. Plato suggests that the children of these individuals can have different natures from their parents and should be raised according to their own nature, independent of their parent's nature [7, s. 121-122]. For instance, if a ruler's son has a copper nature, or if the son of someone with a bronze nature has a gold nature, he should be raised accordingly. However, Plato later revised this idea, proposing that having a gold nature does not preclude someone from being a guardian; if raised correctly, they could indeed fulfill that role [8, s. 42-63].

According to Plato, the soul has three parts: the rational part and the irrational part. The rational part is concerned with knowledge, while the irrational part is associated with pleasure and desire. Additionally, there is another aspect that is under the command of the rational part but sometimes acts contrary to its dictates—this is the part of the soul associated with anger. If anger is under the control of reason, it does not pose a problem; however, if it is not, it becomes a significant issue.

Plato argues that when these three aspects serve reason, a person begins to progress toward becoming a virtuous individual. He also categorizes virtues into different groups. The virtue that philosopher-kings strive for is wisdom, the virtue sought by guardians is courage, the virtue everyone aspires to is moderation, and the virtue that those who do their jobs correctly seek is justice. A person may know about one topic but not about another; such a person is knowledgeable but not wise. Similarly, someone may be courageous in many areas but not in others; this person is brave but not courageous.

Just as we cannot reach ideals, Plato asserts that we cannot attain virtue either; we can only strive along that path.

Finally, when considering what Plato believes to be the most ideal structure of the state, it is aristocracy. However, his notion of aristocracy is not limited to the traditional understanding of a noble class; it refers to a group composed of virtuous individuals. Plato emphasizes nature over lineage, arguing that in an ideal state system, it is a person's nature, not their ancestry, that matters. For example, if a farmer's child has a golden nature, they too are considered part of the aristocracy. According to Plato, if such a group governs the state, society, individuals, and the state itself will be managed in the best possible way. In contrast, systems like timocracy, oligarchy, democracy, and monarchy do not allow for the establishment of an ideal state or system. Therefore, from Plato's perspective, the only ideal state is one governed by the aristocratic model he designed [12, s. 141-148].

In Conclusion: Having Different Occupations In Society Is Not Natural, But Necessary

In Plato's example of the state, everyone in the state and the social structure has a different role and a goal they wish to achieve. The existence of different roles and goals is actually related to the systematic structure of the state that Plato established. In other words, people determine their purposes and objectives based on the frameworks of the system. However, this is not a natural path. In this case, individuals have mapped out their routes based on predetermined frameworks. In contrast, in an organic structure, there is no pre-established system. Considering modern sciences, it is observed that the world does not operate as a perfectly functioning system but rather has a chaotic structure. Given this situation, the formation and development of living beings is entirely coincidental. Darwin has also made explanations that support this view. For something to be considered natural, there should not be a systematic planning process beforehand. In this context, can the existence of different occupations and a social order be accepted as natural? Of course, this is not natural, but it is necessary. Humans are social beings that live in groups. In order to sustain their lives, people must construct a social structure and establish a system. However, this social structure and the different occupations within it are not a natural process; they arise from human necessity and should be regarded as such.

Reference:

1. Akbay, Y.E. İdealar teorisi bağlamında platon'da akıl ilkelerinin analizi. Süleyman Demirel Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi, 2017. 28, s. 133-155.
2. Baran, A.G. Toplum, Birey ve Çevre İlişkileri. Hacettepe Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Dergisi, 1993. 1, s. 261-278.
3. Burcu, E. Evrimci Teorinin Sosyolojik Düşünce Üzerindeki Etkileri Ve Sosyobiyoloji. Hacettepe Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Dergisi, 1998. 2, s. 175-186.
4. Coştu, Y. Toplumsallaşma Kavramı Üzerine Sosyolojik Bir Değerlendirme. Dinbilimleri Akademik Araştırma Dergisi, 2009. 2, s. 117-140.

5. Darwin, C. Türlerin Kökeni, 2019. s.97-100.
6. Özgökman, F. Evrim Teorisi Tanrı İnancını Dışlar Mı?. Çanakkale Onsekiz Mart Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi, 2015. 1, 41-60.
7. Platon, Devlet, çev. Cenk Saraçoğlu-Veysel Atayman, Bordo Siyah İstanbul: Klasik Yayınlar. 2005. S. 121-122.
8. Senemoğlu, O. Antik Yunan Siyasal Düşünüşünde İnsan Doğası ve Toplum Anlayışı: Platon ve Aristoteles. İnsan ve İnsan Dergisi, 2016. 10, s. 42-63.
9. Şimşek, F. Paleolitik dönemde insan türleri. Uluslararası amisos dergisi, 2017. 3, 66-85.
10. Taş, H.İ. Bireycilik: nedir, ne değildir? Süleyman Demirel Üniversitesi / Sosyal Bilimler Enstitüsü / Felsefe Ana Bilim Dalı. Yüksek Lisans Tezi. 2013. s. 27/
11. Topakkaya, A. Adalet kavramı bağlamında aristoteles - platon karşılaştırması. FLSF Felsefe ve Sosyal Bilimler Dergisi, 2008. 6, s. 27-46.
12. Yılmaz, Z. Platon'un tiranlık eleştirisi. Atatürk Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi, 2005. 2, s. 141-148.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научный журнал

UNIVERSUM:
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

№ 10(113)
Октябрь 2024

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 54435 от 17.06.2013

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, улица Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74
E-mail: *mail@7universum.com*
www.7universum.com

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 1

16+